

ГОРЯЧЕЕ ИСКАНИЕ БОГА

Проповедь свящ. Георгия Кочеткова на могиле о. Сергия Булгакова

Чтение (Иак 3:1-18)*: Не многие делайте учителями, братья мои, зная, что мы примем большее осуждение. Ибо все мы во многом спотыкаемся. Если кто словом не спотыкается, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Если мы коньям вдеваем узду в рот, чтобы они повиновались нам, то и всем телом их мы управляем. Вот и корабли, как бы велики они ни были, и хотя бы и носились сильными ветрами, направляются совсем маленьким рулем, куда решает воля кормчего. Так и язык — маленький член, а много хвастается. Вот какой малый огонь зажигает великий лес. И язык — огонь, этот мир неправды: язык помещается между нашими членами, оскверняет все тело и воспламеняет круг жизни, будучи сам воспламеняем геенною. Ибо всякое естество, как зверей, так и птиц, как пресмыкающихся, так и морских животных, укрощается и укрощено естеством человеческим, а языка укротить никто из людей не может: неугомонное зло, он полон яда смертоносного. Им мы благословляем Господа и Отца и им мы проклинаем людей, по подобию Божию созданных: из тех же уст исходит благословение и проклятие. Не должно, братья мои, чтобы это было так. Изводит ли источник из одного и того же отверстия сладкое и горькое? Может ли, братья мои, смоковница произвести маслины и виноградная лоза — смоквы? Не может и соленый источник произвести сладкую воду. Кто между вами мудр и разумен? Пусть покажет добрым поведением дела свои в кротости и в мудрости. Но если имеете в сердце вашем горькую зависть и своеволие, не превозноситесь и не лгите на истину. Это не есть мудрость, свыше нисходящая, но земная, душевная, бесовская. Ибо, где зависть и своеволие, там неустройство и всякое худое дело. Но та мудрость, которая свыше, во-первых, чиста, затем мирна, снисходительна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна, нелицемерна. Плод же праведности в мире сеется теми, которые творят мир.

*/перевод еп. Кассиана (Безобразова)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Часто бывает, дорогие братья и сестры, что чтение Священного писания настолько подходит к тому моменту, когда оно читается, что только дух захватывает. Так и сейчас: было бы трудно придумать более подходящий текст для нас, находящихся здесь, на этом знаменитом уже кладбище, и тем более — на могиле отца Сергия Николаевича Булгакова, чем текст, который мы только что слышали. Многие люди из погребенных здесь, в том числе и о. Сергий, хорошо понимали, что значит учительство в этом мире, обращено ли оно к детям, семье, друзьям, студентам или к церкви и обществу. При этом отношение к учительству могло быть разным. Но то, что мы сейчас слышали, является абсолютной христианской нормой: «...не многие делайте учителями, братья мои, зная, что мы примем большее осуждение» — и дальше говорится о том, какие возможны искушения на этом пути и как согрешает такой маленький член человеческий, как язык, как он может воспламенить круг жизни, сам воспламеняясь от геенны (не больше, не меньше!)

Мы с вами хорошо знаем, что и до сих пор не умолкают споры вокруг учительства о. Сергия, вокруг тех его замечательных, удивительных книг, которые впервые за многие-многие века продвинули православное богословие на самый передний край жизни. Впервые за полтора тысячелетия богословие стало впереди церковной жизни. Оно при нем перестало плестись позади, будучи хвостом, которым хорошо отгонять лишь мух и слепней.

Отец Сергий был одним из тех, о которых говорится здесь «немногие» — «немногие делайте учителями». Он и конгениальный ему современник Николай Александрович Бердяев смогли научить богословию и жизни не только своих близких, знакомых, родных, единоплеменников, но и многих людей в мире. Они смогли поддержать тот уровень русской культуры, который только и мог сделать ее великой, мировой. А это всегда делают отдельные личности. Это не делает народ сам по себе, церковный народ или нация.

«Не многие делайте учителями». Действительно, учителей немного. Мы часто об этом забываем и ищем себе духовных руководителей, учителей совсем не там, где следует. Мы как бы боимся взять на себя крест восприятия учительства Самого Бога или тех, кто принадлежит к немногим.

Совершенно очевидно: наследие русской эмиграции до конца еще не оценено. Оно еще не распространено, не вошло в полную меру в сознание тех людей, которые должны его воспринять. Наверное, сейчас нужно делать большие усилия, чтобы этот процесс не остановился. Сил одного Никиты Алек-

сеевича Струве может не хватить. Поэтому сейчас, вспоминая замечательного духоносного мыслителя и деятеля нашей Церкви о. Сергия, мы вспоминаем и других лежащих здесь. Вот Никита Алексеевич хорошо сказал: «Здесь все ближайшие люди, здесь все соратники лежат рядом». Они снова вместе, они снова как бы в одной общине.

Это удивительно, что о.Сергий не прошел мимо братства, не прошел мимо общины. К сожалению, он не мог создать то и другое одновременно. Исторически сложилось так, что сначала им было создано братство, а потом — община. Но тем не менее этот опыт был, и этот опыт учит нас так же, как его замечательные книги, огненные слова — слова, содержащие в себе откровение, ведущее к по-настоящему новому религиозному сознанию (совсем не по Мережковскому).

У о. Сергия и у всех его близких было горячее искание Бога. Это был смысл их жизни, это было дыхание, которое не отошло от них и сейчас. И мы это хорошо понимаем, хорошо знаем и чувствуем. Это не было тем богоискательством или богостроительством, каким иногда хотят представить себе ту же софиологию о. Сергия. В ней был некий гностический миф, но он был подлинным.

Находясь здесь, на этой земле, если угодно, у мощей святого и святых, мы чувствуем, как важно и нам не спешить делаться учителями. Еще неизвестно, восстанет ли в нашей среде хоть один человек, способный воистину учить Церковь в Церкви. Но будем иметь дерзновение, будем иметь надежду, будем жить верой и любовью, будем искать преемственности, действительно подлинного церковного Предания, которое животворит каждое слово Писания и каждое наше слово. Потому что слово живо тогда, когда в нем есть Дух. Тогда оно осаливается солью, тогда оно становится истинной жертвой Богу.

Наше время страшно прежде всего тем, что люди престали Богу жертвовать — жертвовать себя, свою жизнь, жертвовать свое слово и свое дело. Это большая редкость — такие жертвы. Люди готовы исполнять обряды, читать лекции, писать иконы, петь песнопения, совершать таинства, но часто при этом жертвенного духа в них нет. Отец Сергий в этом смысле — великий учитель. Он много испытал в своей жизни. Его пытались вытеснить, «выдавить» из церкви. Мы с вами хорошо знаем, что значат эти слова и этот опыт. Но это не удалось и никогда не удастся, потому что мы с вами верим и знаем, что у Бога о. Сергий жив, как и многие-многие здесь лежащие, поминаемые на этом месте. Он у Бога свят — свят как великий тайнозритель, как богослов, славословивший Бога всей жизнью своей, он свят этой своей жизнью, мужеством своим, дерзованием и смирением.

Будем же учиться восстанавливать ту полноту преемственности и связи, от отсутствия которых так страдает сейчас Россия и Русская церковь — страдает, может быть, больше, чем в советское время, потому что тогда это было чем-то внешним и вынужденным, а сейчас вошло внутрь. Будем же готовы, дорогие братья и сестры, противодействовать дьявольскому искушению разделения. Будем готовы внутри себя, а если Бог даст сил и возможностей, то и вне себя восстанавливать полноту церковной жизни, церковного Предания, чтобы в церкви ничего мертвого не было, чтобы в церкви снова было можно было видеть приобщение к полноте Божьего Духа и смысла, чтобы тому, кто пришел, посмотрел и соприкоснулся с ее жизнью, хотелось сказать: «Слава Богу за все!»

Все: Аминь.

6 (33)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

ИЮНЬ
2005

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

В номере:

Патриарший скандал на Святой земле

Всеправославный собор исключил Иринея из диптихов, но бывший иерарх не спешит сдавать позиции

Стр. 2

Церковь должна обострять вопросы

В Иерусалиме состоялся коллоквиум по эсхатологии

Стр. 4, 10-11

Коран и сунна о Христе

В этих книгах можно найти основания для христианско-мусульманского диалога

Стр. 5

«Наше движение

возникло естественно...»

Из истории Сретенско-Преображенского братства

Стр. 6-7

Суд без правосудия

Прот Павел Адельгейм комментирует «Временное положение о церковном судопроизводстве»

Стр. 8

На войне как на войне

Мы продолжаем публикацию рассказов по мотивам воспоминаний ветеранов

Стр. 9

Есть ли детям место в церкви?

Стр. 12

БОЖЕСТВЕННАЯ ПИРОТЕХНИКА ОТ МИНИСТРА КУЛЬТУРЫ

Характерной особенностью минувшего празднования Пасхи стало своеобразное соревнование СМИ в перечислении чудесных подробностей о "благодатном огне" Великой субботы в иерусалимском храме Гроба Господня. Официальное паломничество за огнем, частица которого была доставлена и в Петербург, возглавил сам министр культуры России Александр Соколов, называвший его чудом и откровением, способствующим "духовно-нравственному возрождению общества".

На Руси эта легенда была известна уже с XII

века по рассказам паломников и лубочным картинкам. Но даже создание в 1847 году Духовной миссии в Иерусалиме и открытие в 1882 году Палестинского общества не вызвали у нас массового "огненного психоза". Потому что уровень церковной культуры позволял понимать, что происходит на самом деле.

Основатель миссии епископ Порфирий (Успенский, 1804-1885) в своих воспоминаниях рассказывает, как иерусалимское духовенство "зажигает огонь от лампы, скрытой за движущейся мраморной иконой Воскресения Христова" (Порфирий (Успенский). Книга бытия моего. СПб, 1896. Т. 3. С. 299). В 1914 году востоковед И.Ю. Крачковский (1883-1951) собрал арабские известия о рукоятности огня. Литургист А.А. Дмитриевский (1856-1929) на основании Устава храма Гроба Господня 1122 года показал, как духовенство готовит к Пасхе лампы, чтобы зажечь в них новый огонь. В 1949 году его ученик, петербургский профессор Н. Д. Успенский (1900-1987) продемонстрировал, как складывался огненный миф. Его учеником в семинарии в тот год был будущий патриарх Алексий (Ридигер). Он, как и высшее духовенство РПЦ, не может не знать правды о "благодатном огне".

В России благочестивый обман получил массовое распространение только в тоскливый период застоя 1970-х годов. Сегодня упадок богословского образования, в том числе и разгром питерской Духовной академии, способствует утверждению мифа. Характерно, что иерархи воздерживаются от заявлений, предпочитая насаждать сомнительный культ чужими руками. РИА "Новости" повторяет чей-то экзальтированный бред, описывающий физические характеристики огня, заметные "при замедленной съемке". Но когда эту идею подхватывает министр культуры, это просто бескультурье.

На вопрос епископа Порфирия, почему нельзя честно рассказать людям, что происходит, святогорский митрополит простодушно ответил, что его растерзают тут же, как только узнают правду.

Естественно, новый огонь, зажженный на Пасху, да еще и в Иерусалимском храме, — вещь для верующих особая. Его дистрибуция в промышленных масштабах — хороший знак солидарности некоторых христианских народов. Но утверждение о божественном происхождении огня есть сознательный обман, граничащий с кощунством и богохульством, за которые российский суд теперь приговаривает к солидным штрафам.

В конце концов, Господь Бог — не пиротехник, чтобы устраивать праздничный фейерверк к очередному поп-шоу. В Евангелии и без того много замечательного. И огонь Великой субботы — это не вопрос веры и неверия, а вопрос порядочности и нечестности.

Александр МУСИН, доктор исторических наук, кандидат богословия, Сорбонна, Париж.
«Известия науки» от 11 мая 2005 г.

ПАТРИАРШИЙ СКАНДАЛ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

В Иерусалимской православной церкви произошла смена власти. После громкого скандала вокруг махинаций с недвижимостью решением синода патриарх Ириней I был смещен. И хотя бывший иерарх собирает отстаивать свои права в ООН и в Страсбургском суде по правам человека, вернуться на иерусалимскую кафедру ему вряд ли удастся.

Скандал начался в марте 2005 года, когда стало известно, что казначей патриархии подписал по доверенности Ириней документы о сдаче земли в долгосрочную аренду. Для людей, живущих в зданиях на арендованной земле, предусматривались компенсации и выплата комиссионных в размере 1,5 млн. долл. По информации израильской газеты «Гаарец», на счет патриарха в одной из оффшорных компаний появилось как раз столько денег.

Впрочем, скандал имел и политическую составляющую. Участки расположены в той части Иерусалима (Старый город), на которую претендуют и израильтяне, и палестинцы. За сделкой об аренде земли в районе Яффских ворот стоит американский миллионер Эрвин Москович. Он уже много лет через подставные фирмы скупает земли, принадлежащие христианским или мусульманским владельцам, и передает их под застройку израильтянам. В том, что участки были проданы бизнесменам-евреям, арабы усмотрели еврейскую экспансию.

Однако неверно было бы представить Ириней как проводника интересов Израиля. Напротив, ни один предстоятель религиозной конфессии не вызывал такого шквала разоблачений в израильской прессе, как бывший патриарх, что объяснялось его пропалестинской позицией. С самого начала Ириней заявил о своей поддержке палестинской борьбы за независимость, осуждал действия израильской армии на палестинских территориях и поддерживал дружеские отношения с Арафатом. Палестинское руководство при этом заигрывало с христианами, преследуя несколько целей: настроить христианский мир «за арабское дело» и не допустить переход христиан-арабов на сторону Израиля. К слову, большинство из 200 тысяч верующих Иерусалимской церкви составляют местные арабы, а руководство практически полностью состоит из выходцев из Греции, что создает определенное этническое напряжение между клиром и паствой.

В начале мая синод Иерусалимской церкви принял решение о низложении Ириней I. «За» проголосовали 12 из 18 входящих в синод иерархов ИПЦ. Двух третей голосов членов синода было вполне достаточно, чтобы решение считалось окончательным. Об этом говорит закон Иорданского королевства №27 от 1958 года, на основе которого строится внутренняя жизнь Иерусалимской церкви. И уже после этого светские власти Иордании, Израиля и Палестинс-

кой автономии могут заявить о своем отношении к перестановкам, поскольку назначение патриархов на Святой земле согласовывается с ними.

Однако Ириней уходит в отставку не захотел, заявив, что «патриарх умирает патриархом». Так что по инициативе «первого по чести» патриарха Константинопольского Варфоломея для разрешения кризиса в Иерусалимском патриархате пришлось созывать Всеправославный собор, в котором участвовали представители большинства поместных церквей. Русскую православную церковь представлял, в частности, митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Собор постановил исключить из списка глав православных церквей имя Ириней, и тем самым дал «добро» на выборы нового патриарха.

И все-таки формально отстранение Ириней было проведено с процедурными нарушениями. Как заявил архимандрит Милиниос Бассал, решение синода не имеет силы, поскольку высший орган Иерусалимской церкви был созван без разрешения самого патриарха. И теперь Ириней собирается бесконечно судиться.

Иерусалимский патриархат в православном мире считается одним из самых консервативных, враждебных идеям экуменизма. Но эта «крутизна», как это чаще всего и бывает, идет рука об руку с секуляризмом. Стоило Ириней оказаться в ситуации выбора между подчинением законным требованиям церковного народа и борьбой за власть, он выбрал именно борьбу с неприменной апелляцией к светской власти. Впрочем, эта самая власть в лице Иордании и Палестинской автономии однозначно высказалась против Ириней. А вот Израиль пока занял выжидательную позицию, и даже, по мнению аналитиков, оказывает бывшему патриарху негласную поддержку, что дает ему шанс создать свою собственную, раскольничью, юрисдикцию. Шаги к этому он уже сделал — после своего низложения Ириней продолжил совершать богослужение по патриаршему чину, за что синод, в свою очередь, лишил его епископского сана.

Мировое православие сегодня переживает далеко не лучшие времена, оно болеет, и грандиозные скандалы сопутствуют жизни многих церквей. Не случайно разворачивающийся в Иерусалиме сюжет напоминает чуть ли не буквально ход событий на Украине, приведший к возникновению «филаретовского» раскола. Тем не менее иерусалимские события по своему уникальны: впервые за несколько столетий от власти оказывается отстранен один из патриархов.

Борис КОЛЫМАГИН

Фото Кирилла Мозгова

VIII научно-богословский симпозиум «Природа человека и общество. Диалог мировоззрений» прошел в Нижнем Новгороде

14-15 июня в Нижнем Новгороде под эгидой Российского философского общества, Ассамблеи народов России, Аппарата полномочного представителя президента РФ в Приволжском федеральном округе, Волго-Вятской академии государственной службы, Правительства и Администрации губернатора Нижегородской области и Нижегородского епархиального управления прошел VIII научно-богословский симпозиум «Природа человека и общество. Диалог мировоззрений».

Симпозиумы начали проводиться по инициативе ныне покойного митрополита Нижегородского и Арзамасского Николая (Кутепова) с 1991 года и до сих пор остаются уникальным явлением научной, культурной и церковной жизни не только Нижнего Новгорода, но и, пожалуй, всей России. Здесь встречаются и имеют возможность вступить в диалог профессора, ученые и представители церкви, а тематика докладов охватывает широкий спектр самых актуальных проблем современности. В этом году в симпозиуме приняли участие епископ Нижегородский и Арзамасский Георгий, проректор ВВАГС, член Президиума РФО, профессор Б.П. Шульдин, депутат Государственной Думы профессор Н.А. Бенедиктов, председатель Духовного управления мусульман Нижегородской области муфтий Умар Идрис, председатель Еврейской религиозной общины Нижнего Новгорода Эдуард Чапрак, многочисленные учёные из различных городов России, Беларуси и Ливана.

На открытии симпозиума прозвучали приветственные обращения Святейшего Патриарха Алексия II и полномочного представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе С.В. Кириенко. С установочным докладом на тему «О природе человека и устройстве общества в современную эпоху» выступил проф. Б.П. Шульдин. На первом же пленарном заседании от Свято-Филаретовского института выступил его ректор проф.-свщ. Георгий Кочетков с докладом на тему «Христианская перспектива выхода из антропологического кризиса». Также живо было воспринято и выступление проф. Н.А. Бенедиктова, призвавшего к осознанию личной ответственности и укреплению личностного начала в нашем обществе.

На следующий день были проведены секционные заседания, участниками которых стали не только светские ученые, но и преподаватели Московской Духовной академии (проф. Н.К. Гаврюшин, проф. архим. Платон (Игумнов) и преп. Р.М. Конь) и преподаватели Нижегородской семинарии (свщ. Алексей Горин, свщ. Максим Антоненко и др.).

На заключительном заседании было принято итоговое обращение к российской общественности. На симпозиуме прозвучали предложения шире приглашать представителей различных христианских конфессий.

Завершился симпозиум приемом, устроенным для его участников епископом Георгием и прошедшим в духе открытого диалога и теплого общения.

СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ АЛЕКСИЙ II НА ПРАЗДНИК ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ В ДНИ 15-ЛЕТИЯ СВОЕГО ПАТРИАРШЕГО СЛУЖЕНИЯ СОВЕРШИЛ ЕВХАРИСТИЮ, А ЗАТЕМ "ВЕЧЕРЮ ЛЮБВИ" – "АГАПУ"

9 июня на приеме, состоявшемся в Храме Христа Спасителя, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II поблагодарил архиереев за совместное служение в праздник Вознесения Господня и за поздравления с 15-летием Патриаршей Интронизации. Его Святейшество, в частности, сказал: "Для меня вдохновляющим событием была совершенная нами сегодня Божественная литургия. Я мысленным взором окидываю минувшие годы, в которые Господь судил нам пройти сквозь горнило испытаний, выпавших на долю нашей Церкви и нашего народа. Милостью Божией и нам всем вместе довелось внести свою лепту в дело церковного возрождения.

В последнее время много говорится о духовном возрождении России, Украины, Белоруссии, Молдовы, о возобновлении традиций пастырства, духовничества, о новых путях проповеднической, катехизаторской, миссионерской и социальной работы. Где найти силы для того, чтобы понести столь тяжкое бремя? Упова на всеильную помощь Божию, мы получаем ее в таинстве святой Евхаристии. В Божественной литургии мы черпаем силы для того, чтобы дерзновенно творить дело Божие.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский так говорил о причащении: "это - хлеб насущный для нас, для нашей души, а так как хлеб насущный нужен нам каждый день, то и в небесной пище - в Теле и Крови Христовых, мы нуждаемся каждый день".

Поэтому служение Божественной литургии является для меня, как и для всех нас, средоточием духовной жизни, источником сил, переживанием нашего единства во Христе. Полноценное служение Церкви Христовой возможно только на основе евхаристического единения народа Божия вокруг Трапезы Господней. Опытное осознание единства всех чад Христовых, их взаимная любовь, готовность в любое время прийти на помощь друг другу могут помочь в решении задач, стоящих сегодня перед нашей Церковью. О ниспослании этих даров мы молимся Господу за каждой Божественной литургией.

В апостольские времена за литургией следовала вечеря любви, во время которой христиане разделяли братскую трапезу. Сегодня она объединяет нас вокруг праздничного стола, за которым мы благодарим Господа за великую милость, которой Он обильно благословил нас в прошедшее пятнадцатилетие.

В этот день и я хотел бы сердечно поблагодарить за самоотверженные труды членов Священного Синода, преосвященных архиереев Русской Православной Церкви, совершающих свое служение в различных регионах нашей Родины и за ее пределами, пастырей, монашествующих, мирских тружеников и жертвователей, своими усилиями способствующих делу христианского возрождения. Верю, что стараниями тех, кто созидает церковную жизнь в наши дни, грядущие поколения наших соотечественников смогут приобщиться к сокровищам веры, бережно хранящим нашу Святой Церковью".

Во внимание к усердным архиерейским трудам и в связи с 25-летием архиерейской хиротонии Предстоятель Русской Православной Церкви вручил митрополиту Астанайскому и Алма-Атинскому Мефодию орден преподобного Серафима Саровского, II степени.

В связи с 50-летием со дня рождения архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий награжден орденом преподобного Серафима Саровского, II степени.

В Париже будут открыты катехизационные курсы

26 мая 2005 г. состоялось заседание Совета Архиепископии православных русских церквей в Западной Европе под председательством архиепископа Гавриила (де Вильдера).

Совет решил создать три комиссии:

- Каноническую и Юридическую Комиссию, в задачи которой войдет размышление над различными аспектами, как религиозными, так и гражданскими, касающимися сложившегося положения и перспектив на будущее в епархии как и в ее приходах.

- Комиссию по Истории и Архивам Архиепископии, в задачи которой войдет инвентаризация епархиальных архивов, изучение истории Архиепископии и тех выдающихся личностей, которые в ней себя проявили.

- Комиссия по приему и катехизации новоприбыв-

ших переселенцев из Восточной Европы, в функции которой войдет размышление над методами организации катехизационных групп на русском языке и, в более общем плане, прием новоприбывших.

Катехизационные курсы на русском языке для новоприбывших переселенцев из Восточной Европы будут открыты с октября 2005 г. в Париже. Занятия, намеченные по четвергам вечером, будут представлять собой блок из 10 занятий, из расчета: один час, посвященный изучению французского языка, и одного часа собственно катехизации. Ответственные за проведение курсов катехизации, протоиерей Владимир Ягелло и иерей Владислав Трёмбовельский предоставили программу катехизационного курса. В дальнейшем ее можно будет использовать и в провинции.

В ходе репрессий против подпольных протестантских церквей в области Цзилинь китайская полиция арестовала более 600 человек

Согласно данным китайской «Ассоциации помощи», организации, поддерживающей преследуемых христиан страны, полицейские одновременно совершили набег на более чем 100 подпольных протестантских церквей в районе Чанчуня – главного города области Цзилинь в северо-восточном Китае. Почти 600 лидеров и прихожан этих церквей были арестованы. Большинство арестованных были выпущены через сутки или двое после допроса, но около 100 из них, включая нескольких профессоров университета Чанчуня, все еще находятся в различных местах заключения.

58-летний Жао Дианру, крупный церковный лидер, был арестован 22 мая. Его задержали в городе Джуитай, область Цзилинь, но 6 июня он был освобожден. Жао обвинили в «подстрекательстве к нарушению социальной стабильности» в китайском обществе. Около 20 коробок христианских книг были конфискованы в ходе полицейского набега на его дом. Жао руководил деятельностью около 18 подпольных церквей области. Недавно правительство просило его присоединиться к местной легальной церкви, контролируемой властями, но он отказался.

Университетские профессора, студенты и другие молодые представители интеллигенции составляют большую часть паствы подпольных церквей, против которых ополчилось китайское государство. Полагают, что действия полиции – это скоординированная кампания, направленная на то, чтобы устранить влияние подпольных церквей в университетских областях.

Новый закон Китая, регламентирующий вопросы религии, вступил в силу 1 марта. Некоторые аналитики полагают, что новый закон будет накладывать не столь сильные ограничения на деятельность незарегистрированных церквей, но новые крупномасштабные набег полиции и аресты христианских лидеров, похоже, говорят об обратном.

Подпольные церкви, которые подверглись репрессиям, не хотят регистрировать свою деятельность, полагая, что это привело бы к нажиму на них со стороны коммунистического правительства Китая.

По материалам Asia News/Седмица.Ru

ЦЕРКОВЬ ДОЛЖНА ОБОСТРЯТЬ ВОПРОСЫ

Интервью ректора Свято-Филаретовского института свящ. Георгия Кочеткова

«Кифа»: Отец Георгий, что Вы сами считаете самым интересным в своей поездке в Иерусалим в мае этого года?

Свящ. Георгий Кочетков: Во-первых — то, что произошло в воскресенье на католическую Пятидесятницу на Сионской горе, когда Константин Сигов спросил меня о природе "благодатного огня" и о моем отношении к этому явлению и я, неожиданно для себя, ответил, что это — наказание Божье за отсутствие в жизни нашей церкви огня Пятидесятницы. В этот момент я действительно почувствовал себя совершенно причастным к тому, что произошло на Пятидесятницу тридцатого года со святыми апостолами.

Во-вторых — то, что удивительным образом, независимо от наших планов жизнь протекала "по принципу дополнителности": все, что мы делали, не повторяло того, что было полгода назад. Мы же думали, что будет наоборот, что все будет повторением. Но повторения не было. Значит, "это кому-то было нужно".

И третье — то, что удалось больше познакомиться с внутренней жизнью иудаистов, в частности, побывать и на гробнице пророка Самуила, и на гробнице царя Давида. Как известно, и та и другая гробницы находятся в синагогах, но туда допускают всех, в том числе и христиан. В том, что мы на гробнице царя Давида пели и читали псалмы в переводе Аверинцева, было что-то значительное.

И. Пральников: Не могли бы Вы немного рассказать о коллоквиуме, в котором Вы участвовали?

Отец Георгий: Это был вполне полноценный коллоквиум, но в современном западном стиле. Так как он устраивался женевским обществом имени Владимира Соловьева, которое возглавляется и доном Патриком де Лобье, и Бернаром Маршадье (французское отделение), то это было звено в какой-то устоявшейся серии встреч, куда приглашаются люди уже известные, те, кому есть что сказать, авторитетные люди. Это был некоторый способ собирания умов, на которое католики сейчас очень настроены.

Конечно, можно было только восхищаться доном Патриком де Лобье, который в семьдесят лет провел такую колоссальную работу. Собственно, этот семинар был организован в честь его семидесятилетия и пятидесятилетия принятия им обетов безбрачия, как принято у католиков. Хотя он не вошел ни в какой орден, ни в какую общину, он пятьдесят лет жил по этому обету — с двадцати лет — и только лишь несколько лет назад принял сан.

Мне понравилось то, что хотя были иногда очень узкие, частные доклады, но не было ни одного пустого доклада. Я думаю, что такая работа и вообще такие возможности хорошо входят в сердце. Это хорошее дополнение к нашей форме работы — массовой, открытой, значительной, ставящей большие проблемы. Такие же семинары — небольшие, более закрытые, интересующиеся чаще всего частностями — тоже полезны, тоже нужны. Было бы очень хорошо, если бы мы в будущем тоже могли проводить подобные семинары.

И. Пральников: У нас ведь что-то подобное практикуется?

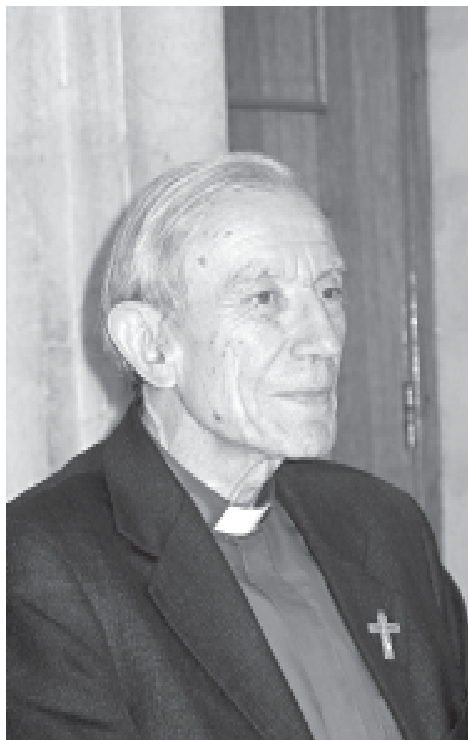
О. Георгий: Почти ничего. Главное препятствие здесь — в средствах, поскольку надо приглашать специалистов со всего мира, и все это принято оплачивать. А это большие деньги, что для нас пока недоступно. Наше участие в состоявшемся коллоквиуме стало возможным только потому, что организаторы брали все расходы на себя, за что мы им, конечно, очень благодарны.

«Кифа»: Ваш доклад вызвал оживленную дискуссию. Не могли бы Вы сказать, что было главным предметом этой дискуссии и были ли, на Ваш взгляд, какие-нибудь плоды этого обсуждения?

О. Георгий: Поскольку участниками коллоквиума были в основном православные и католики, то во избежание слишком серьезных дискуссий собственно эсхатологические темы (как наиболее опас-

ные и более внутренние) не очень затрагивались. Было мало обобщающих и аналитических докладов. Было мало собственно эсхатологии в тех разговорах об эсхатологии, которые велись. Это совсем не значит, повторюсь, что конференция была плохой. Наоборот, я считаю, что конференция была очень удачной. Но таков современный стиль работы многих участников разных коллоквиумов, конференций и семинаров, западный стиль. Я думаю, что это был еще немножко и закон жанра. Я же, наоборот, старался говорить по существу, потому что темой моего доклада были противоречия в современном христианском эсхатологическом сознании, т.е. проблемы этого сознания.

Нужно сказать, что я ехал на конференцию в немного пессимистическом настроении. У меня не было возможности писать доклад, и я сделал его устно — заранее наговорил на пленку. Потом с помощью наших сотрудников мы его подработали и сделали письменный текст. Но так как это было в форме интервью, т.е. в свободной форме, я думал, что это будет не слишком интересно. Во время же выступления доклад понравился даже мне. Я удивился: оказывается, на эти темы можно всерьез сказать то, чего не говорят другие. Хорошо, что доклад задел уча-

Дон Патрик де Лобье

стников, каждого чем-то своим, но задел, и люди после него были готовы говорить по существу. Они начали этот разговор и какое-то время его вели. Хотя, конечно, регламент был довольно жестким, и дон Патрик остановил эту дискуссию просто для того, чтобы другие успели высказаться и, может быть, еще потому, что мы касались как бы слишком острых вопросов. В моем докладе были и специально обостренные по форме высказывания. Скажем, о преимуществах Православия. Вы же понимаете, что даже само это словосочетание может иногда у кого-то вызывать напряжение.

Еще я защищал мысль о том, что наша церковь должна обострять проблемы, имея в виду, что она должна различать добро и зло, что она должна иметь пророческое служение — а это и ведет к обострению проблем. Я говорил и о неповторяющихся, пропущенных возможностях как о возможностях погибших. В романтической европейской культуре обычно принято думать обратное: если ты пропустил какую-то возможность, то она потом к тебе вернется, но только в другой форме, в другом виде. Это оказалось общим местом, чего я даже не ожидал. И эти вопросы стали дискуссионными. Потом все благодарили за доклад и сами начинали разговор о нем даже после дискуссии. Людям явно хотелось что-то договорить. Они были и ранее готовы к этому, но просто не успели.

Еще — что важно — я много говорил о фундаментализме как практическом атеизме и о том, что сознательному христианину сейчас почти нельзя верить в теорию бессмертия души. Для католиков это очень "ударная" вещь.

«Кифа»: Поднимался ли вопрос об апостатстве?

О. Георгий: Нет. Зачем? Это большой и трудный вопрос, он требует специального рассуждения. Поэтому я за него не брался. Кроме того, я уже писал и говорил об этом в связи с работой Синодальной богословской комиссии. Я не люблю повторяться, поэтому я старался ничего не повторять из того, что уже когда-то писал или говорил.

«Кифа»: Были ли интересные выступления из России, православные?

О. Георгий: В основном выступающие и были из России и с Украины. Я, например, раньше никогда лично не слышал Николая Котрелева. Мне были интересны исследования о творчестве Константина Леонтьева Павла Кузнецова из Петербурга.

И. Пральников: Константин Леонтьев — очень модная сейчас тема. О нем вдруг появилось очень много работ.

О. Георгий: Может быть, дело в том, что сейчас вдруг выяснилось, что Константин Леонтьев к концу жизни очень симпатизировал католикам? Его привыкли воспринимать как "кованного" византийца, а он оказался...

И. Пральников: Но эти вещи где-то сходятся.

Отец Георгий: Где-то сходятся, да.

«Кифа»: Была ли на Ваш доклад живая реакция со стороны католиков — не политкорректная?

О. Георгий: Я думаю, что они не сразу поняли текст. Он был им интересен, но в нем было затронуто так много разных тем, причем далеко не всегда с привычной им стороны, что они очевидно просто вчитывались и вдумывались в него. Мне понравилось, как они работают с незнакомым им материалом. Они стараются не терять впустую ни времени, ни сил, ни средств — ничего.

«Кифа»: Не могли бы Вы подробнее рассказать о Вашем знакомстве с жизнью иудейских общин? Что было нового? У Вас ведь уже был какой-то опыт посещения синагог?

О. Георгий: Ну, опыт посещения синагог у меня был небольшой. Когда-то, в 60-х годах, когда я искал веру, я посетил не только православные храмы, но и католические, и синагогу, и просто все, что мог найти в Москве.

И позже у меня был принцип — где бы мы ни были, посещать все религиозные места, что есть в этой местности: православных, протестантов любого направления, католиков, мусульман, буддистов, иудеев. Советские масштабы позволяли одному человеку посетить всё, даже если он просто был в командировке. (Сейчас это, конечно, невозможно. В одной Москве сотни и сотни храмов и монастырей). Это мне очень помогало быть свободным, не впадать в шок ни от какой формы и при этом не абстрагироваться от них, ценить их, уметь разбираться в формах, даже мне не очень знакомых и не очень понятных.

А с иудейскими общинами я, естественно, не был знаком. Я увидел, что в Израиле молятся немного по-другому — не совсем так, как это было в 60-е годы в Московской хоральной синагоге. Мы подходили к Стене плача. Мы не закладывали записок, естественно, но для нас было важно подойти и посмотреть в непосредственной близости, как люди молятся, что они делают. Какая-то степень сопричастности нужна для того, чтобы сделать оценку. Я считаю, что в духовной жизни объективированные оценки мало чего стоят. Нужно что-то сопережить с людьми, положительное или отрицательное, то или иное, но сопережить. И попытаться их понять, насколько возможно — что трудно, когда не знаешь или почти не знаешь язык. Даже когда они что-то бормочут и раскачиваются, надо всему этому в глаза посмотреть. Поэтому, скажем,

я и не уходил из синагоги у гробницы пророка Самуила, хотя мне и пыгались показать, что лучше бы христианам уйти.

«Кифа»: По мнению отца Александра Виноградского, православие из всех христианских исповеданий ближе всего к иудаизму.

О. Георгий: Это правда, мы известные конкуренты. С одной стороны — и то, и то Восток, с другой стороны — и там, и там огромное внимание к Закону. Все воспринимается если не прямо как Закон, то в свете Закона. Православие стало необыкновенно законнической религиозной системой, хотя это далеко не всегда хорошо. Самое интересное, что люди чувствуют, что в современном православии не хватает свободы, "благодати и истины". Закон, который дан через Моисея, иногда есть, и то в ограниченном, очень дозированном количестве, а вот благодать и истина у нас обычно воспринимаются с трудом. Я помню такой случай: один мой старый знакомый, психически не очень здоровый человек, из круга Аркадия Шатова и Дмитрия Смирнова, человек средних лет, нестарый, сидел и собирал у храма деньги. Мы с ним встретились в то время, когда он ругал выходящих из храма православных примерно такими словами: "Ну, выходите-выходите из своей синагоги". Мне это очень запомнилось. Этот человек, понятно, не имеет никакого богословского образования. И это не было каким-то слепым антисемитизмом, каким-то выпадом просто против синагоги как какого-то еврейского учреждения (слово это не еврейское, но звучит как еврейское). Я подумал: какая у человека интересная интуиция!

И. Пральников: Это было у православного храма?

О. Георгий: Да, конечно, на Речном вокзале.

И. Пральников: Т.е. это было таким как бы юродством?

О. Георгий: Да. При этом он меня необыкновенно тепло приветствовал, хотя я был в рясе. Я думал, что он меня вообще не узнает. Я-то его с трудом вспомнил. Я тогда, будучи дьяконом, после изгнания из духовной академии, служил лишь чтецом. Меня поразило, что меня он воспринял как-то иначе. Он никак не мог знать всех деталей моей тогдашней биографии. Но вот бывают иногда у людей, немного таких "специфических", какие-то прозрения, которые трудно объяснить. Меня это поразило именно потому, что здесь невозможно было ни сыграть, ни подыграть, ни идеологического, ни идиотического тут ничего не было. Я потом встретил его несколько лет назад уже в Новодевичьем монастыре. Он снова стоял на паперти, снова собирал деньги и опять оценивал ситуацию в том же духе и очень трезво. Он снова меня сразу вспомнил, просто, по-дружески поприветствовал, сказал несколько хороших слов — и мы разошлись. Ему очень понравилось то, что я не получаю денег за богослужение. Ему понравилось и то, что я служу каждую неделю, но все равно не в штате. У человека был явный вкус к духовной свободе. Просто удивительно, откуда это берется у людей. Иногда для того, чтобы быть свободным у нас в стране и в нашей церкви, нужно немножко свихнуться...

«Кифа»: Батюшка, но Вас же самого в православие привлекла свобода!

О. Георгий: Безусловно. И сейчас привлекает.

«Кифа»: Значит, характеристика православия как законнической системы — это все-таки уже что-то современное, последние 17-18 лет?

О. Георгий: Думаю, что раньше. Это "замечательное наследие" константиновской эпохи, начавшейся очень давно. Это то, против чего восставал Николай Бердяев и о. Николай Афанасьев: принцип права, принцип закона слишком глубоко вошел в церковь. Православие — это одно, а то, что мы сейчас имеем под именем православия, — это очень часто совсем другое...

КОРАН И СУННА О ХРИСТЕ

Об основаниях христианско-мусульманского диалога

Тема христианско-мусульманского диалога относится к вопросам взаимодействия двух обществ. В последнее время эта проблема часто преподносится как проблема взаимоотношений христианского и исламского мира, но это не совсем так. И Европа и Америка уже давно не являются христианскими, да и арабские страны назвать вполне исламскими невозможно. Конфликты, столкновения, террористические акты последнего времени, которые преподносятся как межрелигиозные, по сути таковыми не являются; это либо столкновение политических интересов, либо личных амбиций и страстей тех или иных лидеров. Вера же чаще всего является только ширмой для того, чтобы проводить в жизнь политические интересы представителя той или другой стороны. Как со стороны представителей Востока абсолютно бесчеловечные поступки выставляются как акты войны за веру (джихад), так и со стороны так называемого христианского мира вооружённое нападение на целую страну преподносилось как "крестовый поход". Мы видим из опыта, что такой подход не решает проблему, а только её усугубляет, приносит страдания и ожесточение. Поэтому, пользуясь тем, что и та и другая сторона апеллируют к вероучительным ценностям, мы можем, опираясь на них, строить сначала диалог, а потом общение.

На одной из конференций С.С. Авринцев в переписке со своей знакомой из протестантов в ответ на её претензии к православию, касающиеся почитания икон, святства и других таинств скрупулёзно перечислил возможные контраргументы, касающиеся этих предметов, а в конце добавил: "Как Вы думаете, сколько раз в истории повторяется подобный диалог?" Мне не хотелось бы повторять ответы на претензии мусульман к христианам, тем более, что здесь, как и в диалоге православных с протестантами, уже имеется достаточно хорошо проработанный материал.

Я не буду говорить также и о том, что ислам, как и иудаизм и христианство, является монотеистической религией аврамова древа. Я попытаюсь показать то, что Коран и сунна (предание) говорит о Христе, Евангелии, Марии, о Судном дне и конце времён; знание этих аспектов позволило бы иметь хорошее основание для диалога и общения. Хотя и здесь я не буду первооткрывателем. Предложенные мною темы в отдельности имеются в статьях А.В. Журавского (см. журнал "Мир Библии"). Я лишь позволю себе представить их вместе и сделать некоторые обобщающие выводы.

Христос и Евангелие в Коране и сунне

Коран прямо говорит о чудесном зачатии младенца Иисуса после благовестия Джibrила (Гавриила). Сам Иисус считается не только пророком (наби) но и посланником (расул), что означает то, что Он не только возвещал правду Божью, но и принёс книгу (Инджил), которая, согласно Корану, была искажена людьми, и поэтому не является непосредственным Словом Божиим, каковым у мусульман считается Коран. Евангелие не считается чем-то принципиально новым, оно есть "свет и праведный путь в подтверждение тому, что в Торе, и ... наставление для богобоязненных". Иисус прямо называется Мессией (аль Масих). Однако ислам в это слово не вкладывает того наполнения, какое в него вкладывают иудеи и христиане. Само это слово, скорее всего, было заимствовано из иудейского и христианского преданий без его богословского осмысления. И это понятно, т.к. ислам прямо не признаёт наличия онтологической повреждённости человеческого естества вследствие грехопадения (первородного греха), а соответственно и необходимости искупления и Искупителя. Понятие онтологической греховности и необходимости покаяния (тауба) как исправления человеческой природы актуализировано в исламском мистицизме (тасавуф (суфизм)).

Если говорить о мессиианстве, то для

мусульман Мессией, но более в иудейском понимании (как земным человеком, а не Богочеловеком) скорее будет Махди, о котором будет сказано позже.

Коранический Иисус - второй Адам. Он, так же как и праотец человечества, сотворён непосредственным действием Божиим. Он, согласно преданию, является величайшим из праведников, которого Господь наделил силой воскрешать умерших и исцелять тяжелобольных. Выше него почитается только Мухаммад, как тот, через которого ниспослано самое последнее и наиболее полное откровение. Во время мистического полёта, когда Мухаммад, согласно преданию, таинственным образом был перенесён на небо, он общался с Авраамом, Моисеем и Иисусом; И именно Иисус, согласно хадису, смог ответить Мухаммаду на его вопрос о последних временах. Иисус именуется словом Божиим, а также Его духом.

О Святом Духе

Коран много раз упоминает о Духе Святом, но коранический Святой Дух - не ипостась Св.Троицы. Складывается ощущение, что Мухаммад не осмысливает того, что это сочетание слов обозначает. Ниже мы увидим, что когда в Коране говорится о Св. Троице, вместо Духа Святого там упоминается Мариам. Мухаммад или просто ретранслировал христианское предание, или без богословского анализа передавал то, что так или иначе услышал; Святым Духом именуется Джibrил, когда он послан на благовестие, Святым Духом Всевышний укрепляет Иисуса и Мариам, когда младенец заговорил в колбыбели во свидетельство родственникам, утверждавшим, что Мариам - блудница. В других местах также говорится о том, что Господь укреплял Иисуса Духом Святым.

Мария в Коране

Мария (Марьям) особо почитаема среди всех женщин, упоминаемых в Коране. Только её имя звучит в Коране, остальные женщины в Коране безымянны. Даже имя Евы в Коране не звучит, её имя - Хавва - появляется лишь позднее в предании. В Коране она лишь жена Адама. Коран говорит о рождении Мариам по данному её матерью обету; она, как и в Евангелии, особым образом посвящена Богу. Как мы уже говорили, в Коране упоминается и о Благовещении, и о чудесном зачатии её сына, и о том, что повесть об этом событии изречается словесно. Марьям именуется избранной, очищенной, возвышенной Богом над всеми женщинами миров. Иисус в Коране именуется Сыном Марии. В 5-й суре Корана, когда христианство осуждается как многобожие, о Марии говорится как о третьем лице Св. Троицы.

Конец времён и Судный день в Коране и хадисах

О последних временах Коран говорит во-первых, что это время Посещения (Божьего), так как Господь - господин судного дня. Коран говорит и о воскресении из мёртвых во плоти. Например: "И говорит человек: "Разве, когда я умру, я буду изведен живым? Разве не вспомнит человек, что Мы сотворили его раньше, а был он ничем?" Особенное же значение в конце времён придаётся именно Иисусу. Он - знамение Часа. Или, согласно хадису Муслима:

"Посланник Божий сказал: "Что будет с вами, когда Сын Марии явится к вам и будет вашим имамом? Что станете вы делать, когда Сын Марии явится и поведет вас?" Хасан ал-Басри ссылался на хадис, согласно которому Мухаммад сказал иудеям: "Иисус не умер и он вернётся к вам в день воскресения". Ислам фактически утверждает второе пришествие Иисуса, хотя и не во славе.

Как мы уже говорили выше, именно Иисус ответил на вопрошание Мухаммада о Часе во время его мистического путешествия на небеса. Согласно Корану Иисус не умер на кресте, вместо него был распят другой человек. В конце же времён именно Иисус должен будет объединить

нить всех верующих в единую общину. Согласно толкованию аята 4:159, Иисус в конце времён выступит свидетелем против иудеев, что те не приняли его, а также против христиан, что они обожествили его. И свидетелем против тех и других, что не приняли Мухаммада.

Согласно преданию, между могилами Абу Бакра и Умара есть место, где будет похоронен Иса, сын Марьям, после того, как он выполнит свою миссию после второго пришествия, согласно хадису Хинди:

"О посланник Божий, сказала 'Аиша, - я вижу, что переживу тебя. Позволь мне быть похороненной рядом с тобой". Он ответил: "Как я могу распорядиться местом, где будет только моя могила и будет могила Абу Бакра и Умара, и будет могила Иисуса, сына Марии".

Иисус придёт во втором пришествии, победит ад-Даджжала и установит на земле мир и справедливость на 40 лет. Согласно хадису Ибн Маджи: "...И напомнив о приходе ложного мессии, он [Иисус] добавил: "Я сойду с небес и я его убью. Люди будут возвращаться к себе, когда народы Гога и Магога ринутся со всех сторон и устремятся им навстречу, жадно поглощая воду и все опустошая на своем пути. Люди возопят к Богу - и я призову Его. Бог уничтожит этих чудовищ и земля наполнится смрадом от их гниения. И люди вновь возопят к Богу - и я призову Его. Бог ниспослет дожди с небес, которые унесут их трупы и смоят их в море. Потом горы будут опрокинуты и земля станет гладкой, как небесный свод. Мне открыли, что когда все это случится, Час для людей неотвратимо приблизится, подобно женщине на сносях, родители которой не знают, когда она разрешится".

Махди

Образ Махди неразрывно связан с шиизмом: образами Али, Скрытого имама, XII имама, который до Времени скрыт, но будет явлен в Судный день, чтобы восстановить правду. Если суннизм отрицает идею мученичества праведника (ведь именно это является решающим аргументом против того, что Иисус (праведник) был позорно распят - Господь не может допустить позорной смерти праведника), то шииты первоначально связывали образ Махди с потомками Али, а следовательно и Мухаммада. Сунниты же, согласно хадису: "Нет Махди, кроме Иисуса, сына Марии," по преимуществу придерживаются того, что Махди - это именно Иисус. Согласно Ша'рани: "Когда Иисус придет в конце времен, он подтвердит закон Мухаммада и восстановит его, потому что не будет больше пророка после пророка Божьего, который судит по закону иному, нежели его. Он - последний закон и его пророк - печать пророков. Иисус будет справедливым судьей, потому что в то время не будет больше ни мусульманского султана, ни кади, ни муфти. Бог отнимет у людей Знание. Когда Иисус сойдет, он будет знать по воле Бога - уже на небесах, до своего пришествия - все, что ему будет необходимо знать об этом законе, дабы смочь судить по нему, ради других людей, ради своего служения. Верующие соберутся вокруг него и провозгласят судьей над ними, потому что не будет никого другого более пригодного, чем он". Т.е. Иисусу отводится место того, кто придя в то вре-

мя, когда оскудеет вера, восстановит её.

Я намеренно заострил внимание на тех позициях ислама, которые показывают его общность и в некотором смысле единство с нашей верой. Но ведь есть и другая сторона. Это, как мы отчасти и говорили, и наименование христиан многобожниками, и отрицание факта воскресения Христа (а ведь это центр нашей веры), и та вражда и неприязнь, которая если прямо и не предписана законом, то зачастую распространяется устно.

Но, как мы видим, когда речь идёт о конце времён, эсхатоне, на одно из первых мест (в качестве того, кто восстановит справедливость на земле, и объединит всех верующих воедино) ставится именно Христос. Напомню, что, согласно Корану, только Господь знает, кто является истинно верным Ему (ханиф), вне зависимости от его вероисповедания. (Так Авраам был подлинным ханифом т.к. был верен Богу.) Поэтому мы видим, что многие мусульмане, ожидая Христа в качестве Мессии или Махди, волюно или неволюно говорят о том событии, которое мы, христиане ожидаем как второе пришествие. И даже если к этому времени христиане и мусульмане не сумеют прийти к согласию, хотя бы по тем вопросам, которые касаются разночтения в текстах Писаний - Корана, ветхозаветных и новозаветных откровений (а это, судя по всему маловероятно - слишком много установлено таких внешних и внутренних барьеров, преодоление которых без особой милости свыше не представляется возможным), они имеют возможность в конце времён обрести единство через личность Христа, вне зависимости от того, в качестве кого Его воспримут - Сына Божия или того, кто "идёт правильным путём", или одного из пророков Божиих.

Частных свидетельств диалога и общения история христиан и мусульман имеет множество. Это и общение мусульман с сирийским и египетским монашеством, это и Испания во времена раннего средневековья, и Османская империя, где между представителями ислама и христианами волюно или неволюно произошло общение. Каковое, кстати, наиболее плодотворно было среди тех направлений или ветвей этих двух религий, где имелся поиск непосредственного богообщения, живого свидетельства веры, боговидения и боговедения. Для ислама это в первую очередь мистицизм (тасавуф, суфизм), который дал исламу богатые молитвенные и мистические практики и благодаря которому в исламе появился культ и почитание святости (вилайя), развивались философия, музыка, живопись и поэзия. Для такого общения личные качества, набор правил, или устав того или иного движения (будь то в исламе или христианстве) играют и играют решающую роль, позволяли взаимопонимание. И это очень важное направление, в котором можно и необходимо действовать. Однако не менее важно общение на всех уровнях, начиная от простого интереса к тому, кто верит не так, как ты, и кончая готовностью пойти на жертву за тех, которым так же как и нам в той или иной мере открыты тайны божественного устройства этого мира и жизнь будущего века.

Давид-Амир САДУР

В этом году исполняется пятнадцать лет Преображенскому братству. 19 августа 1990 года состоялась первая встреча всех, кто участвовал в возрождении опыта катехизации взрослых, кто помогал вести огласительные группы, оглашался или просто знал об этом опыте и рад был тому, что он существует. Эта встреча стала днем рождения братства, объединившего тех, кто искал возрождения и обновления церковной жизни, стремился к ее целостности и глубине.

Традиционные встречи на Преображение — Преображенские соборы — не прерываясь ни разу, все эти годы собирали членов братства. Но если сначала все могли встретиться на праздничной трапезе за одним (пусть и очень большим) столом, то скоро это стало невозможным. За пятнадцать лет братство выросло в Содружество, объединяющее более десяти малых православных братств, и на Преображение из разных городов и стран встретиться друг с другом приезжает около тысячи человек.

В последние годы каждая такая встреча заканчивалась обсуждением и принятием «темы года» — наиболее актуальной духовной проблемы, которую члены братства старались за год не только обсудить, но и «прожить».

Тема этого года — «о мирном и непримиримом противостоянии злу» — не может не напомнить нам еще об одном, куда менее радостном юбилее — пятилетию начала последней волны открытых гонений на Преображенское братство. В июне 2000 года в свет вышел сборник под названием «Суд им давно готов», авторы которого обвинили духовного почитателя Преображенского содружества, свящ. Георгия Кочеткова, во всех мыслимых и немыслимых (в том числе взаимоисключающих) ересь.

Сегодня на центральном развороте нашего номера мы вспоминаем о начале истории Преображенского братства. Наверное, можно было бы опубликовать и какие-то статьи, касающиеся «Суда...», но, как нам кажется, и само это издание, и споры вокруг него давно забыты и осмеяны (какое-то время после выхода сборника члены братства звали друг друга к обеду со словами: «Суп им давно готов!») Наверное, лучшим ответом на клевету и ложь будет правда, усилие памяти сохранить все так, как оно было на самом деле.

ти братского круга, ставшего основой для родившегося Сретенско-Преображенского братства, были:

- собрание общинной и братской жизни;
- миссия и катехизация;
- просвещение и духовное образование;
- возрождение храмов; работа над тем, чтобы богослужение было более понятным и действенным;
- благотворительная деятельность, работа с детьми и молодежью;
- возрождение братских отношений с христианами разных конфессий;
- издательская деятельность;
- собрание всех живых христианских сил на ежегодные соборы, конференции и т.д.

После рождения в рамках этого круга первой общины (в 1988 г.) за два года появилось еще две. Этот факт был важен не только потому, что еще две группы не так давно воцерковившихся людей приобщились к подлинной общинности, потребовавшей от них усилий для воцерковления всех сторон их жизни и принятия на себя ответственности за общину, церковь и, в конечном счете, за весь мир. Рождение новых общин показало, что ситуация первой общины не является абсолютно уникальной. С одной стороны, она уникальна постольку, поскольку уникальней рождение и жизнь каждой настоящей церковной общины с точки зрения ее общения с Богом, людей друг с

годы оглашение, на праздник Преображения в храм в городе Электроугли. На праздничную литургию собралось около 150 человек. Храм еще не был обустроен, служили практически на улице. О службе, проповеди, крестном ходе и агапе участники праздника вспоминают до сих пор с особой теплотой и радостью. Встреча показала, что собравшиеся вместе братья и сестры — уже не просто отдельные члены церкви, они объединены вместе в одно целое, и это целое является братством. Так родилось братство, получившее название по тому празднику, который праздновали в тот день, — Преображенское. С тех пор каждый год братство стало собираться на Преображенские, а со Сретенья Господня 2000 г. — еще и на Сретенские встречи (соборы).

Появление братства стало реальным плодом многих лет собрания церковных сил в братском кругу отца Георгия Кочеткова. Через несколько недель после первого Преображенского собора собралось впервые и братство "Сретение", вскоре получившее официальную регистрацию.

Церкви разрешили сразу делать очень многое — открывать богословские институты, восстанавливать храмы, заниматься открыто катехизацией, издательской деятельностью. Все это можно было делать — были бы только опыт и силы. У отца Георгия и его братства они были. Дьякон Георгий, еще будучи чтецом в московском храме у

«НАШЕ ДВИЖЕНИЕ ВОЗНИКЛО ЕСТЕСТВЕННО...»

Из истории Сретенско-Преображенского братства

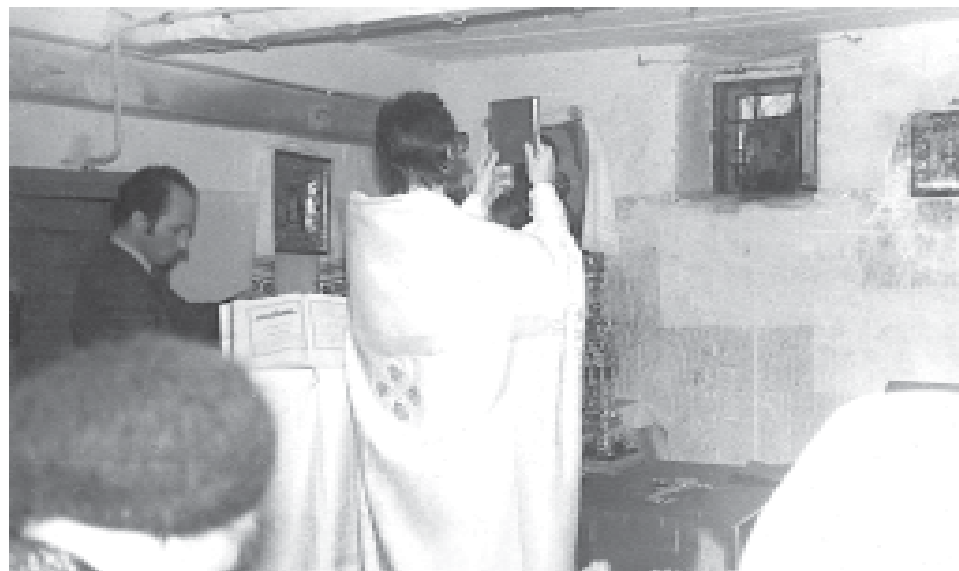
В 1990 году законодательно были сняты постановления, ограничивавшие права верующих в советском государстве. Так, Закон «О свободе вероисповедания», принятый Верховным Советом РСФСР 25.10.1990 г. отменил положения декрета Совета Народных Комиссаров «Об отделении Церкви от государства и школы от церкви» и Постановления ВЦИК и СНК от 8.04.1929 «О религиозных организациях». Были сняты также все ограничения на деятельность религиозных организаций по распространению своих вероучений и религиозному образованию и просвещению детей, молодежи и взрослых. За короткий срок в несколько раз увеличилось количество религиозных объединений различных конфессий, активизировалась их деятельность в обществе, выросло число последователей.

Падение советской власти сопровождалось вдохновением и надеждами людей, которые долгое время не имели свободы слова, а теперь, казалось, ее обрели. Многие запретные темы открылись для обсуждения. Теперь можно было открыто интересоваться жизнью церкви. При этом церковь оказалась в центре общественного внимания.

О проблемах церковной жизни заговорили более открыто: обсуждались недостаточное качество богословского образования в духовных семинариях и академиях, непонятность богослужебного языка и самого богослужения, низкий уровень издательской деятельности и т.д. Стали говорить о необходимости дисциплины и высоких нравственных требований к клирикам и епископату, о предоставлении большей возможности для служения мирян в церкви, о трудности миссии, адресованной постсоветскому человеку.

Как только стало возможно всерьез говорить о проблемах внутрицерковной жизни, неизбежно встал вопрос о том, как их решать. Были люди, которые не без основания говорили о том, что у Русской православной церкви может не оказаться сил отвечать быстро и качественно на столь серьезные запросы

времени. Действительно, в целом церковь была не готова отвечать на открывающиеся возможности. Священники тысячами крестили людей, до ста человек в день, а после крещения ни разу их не видели. "Я все больше и больше вспоминаю тех 200 человек, которых я крестил летом 1993 г. Ведь никто из них не пришел в Церковь! Мы взяли с них деньги, но не сделали ничего, чтобы помочь им воспринять благодатный дар Вечной Жизни. У меня теперь устойчивое ощущение, что руки мои в кро-

Богослужение в подвале дома, стоящего рядом с полностью разрушенным храмом, г. Электроугли, 1990 г.

ви: сколько я загубил жизней и судеб из-за того, что не подготовил людей к крещению и не дал им возможность воспользоваться шансом, предоставленным Богом!" — так говорил позже об этом один из них.

Итак, в начале 1990-х годов церковь стала свободна от государства и могла открыто и смело действовать на путях возрождения. Одним из движений, поставивших именно возрождение церкви своей целью, был в эти годы братский круг дьякона Георгия Кочеткова. Главными направлениями деятельнос-

другом, церковью и миром. С другой стороны, оказалось, что этот путь общинной жизни действительно открыт для всех реально воцерковившихся и свободно его выбирающих людей. Размышления и усилия многих лет привели к реальным плодам. Теперь стало ясно, что можно предложить всем тем, кто огласился в разные годы и к 1990 г. несколько выпал из поля зрения братского круга. В конце концов, с ними со всеми можно было поделиться радостью обретения большей полноты

жизни, чем это было раньше. Была и еще одна причина собрания всех близких братскому кругу людей. Изменение церковной ситуации требовало активности от каждого церковного человека. Теперь такому собранию способствовали и внешние обстоятельства. После рукоположения отца Георгия и назначения его настоятелем подмосковного прихода у него появилось место для проведения общей встречи всех близких братскому кругу людей. В 1990 году отец Георгий пригласил всех, кто проходил в разные

Речного вокзала, стал вместе с братьями и сестрами из его общины добиваться передачи церкви двух храмов, находившихся также неподалеку от Речного вокзала. Поэтому, когда в 1990 г. появилось юридическое лицо братства "Сретение" — одноименная общественная организация — стало понятно, что нужно делать для возвращения храмов русской православной церкви. По существовавшему в это время законодательству в качестве формального представителя церкви должна была выступать "двадцатка" — 20 человек, которые брали на себя ответственность за передаваемый храм. В число "двадцаток" входили не только члены братства "Сретение", однако от братства требовалась поддержка в виде ходатайств. Это было вызвано тем, что на уровне местных властей отношение к церкви оставалось крайне негативным. Если о передаче храмов ходатайствовала церковь, то результат обычно был отрицательным. Общественная организация "Сретение" имела больше влияния и веса в эти годы. Практически сразу после регистрации братства были поданы документы в соответствующие инстанции о передаче церкви четырех московских храмов, расположенных в центре города: Рождественского храма бывшего Рождественского монастыря, Владимирского собора бывшего Сретенского монастыря, храма Успения Богородицы в Печатниках и храма прп. Федора Студита. Каждый из этих храмов в течение нескольких лет приходилось восстанавливать, ремонтировать, находить для этого силы и средства. Важно заметить, что Сретенско-Преображенское братство в борьбе за каждый из перечисленных храмов никогда не прибегало к насильственным методам, сделав это изначально принципом своей деятельности. Это было тем более важно, что другие православные организации и братства этого принципа обычно не придерживались и часто захватывали храмы при поддержке тех или иных вооруженных лиц.

Отец Георгий старался, не отступая

от традиции, но принимая ее наиболее глубокие пласты, делать все, чтобы богослужение было понятным для участвующих в нем. "С самого начала я решил, что надо не реформировать что-то в церкви, а просто служить *по совести*. И *по совести* я не мог служить так, как я это знал, умел, как это было принято на всех приходах. Я сразу стал по возможности максимально русифицировать все богослужебные тексты для того, чтобы, во-первых, я сам что-то понимал, во-вторых, чтобы другие могли хоть что-то понимать — не думать, что они понимают, а понимать". В дальнейшем, будучи настоятелем Владимирского и Успенского храмов, отец Георгий придерживался тех же принципов: устраивать богослужение в соответствии с церковной традицией, заботиться о понятности богослужения и, в первую очередь, богослужебного языка и о живом, личном участии в нем всех присутствующих.

Следует заметить, что такой подход к богослужению способствовал и более высокому качеству оглашения, и более успешному собиранию братских сил, т.к. богослужение помогало войти более глубоко в традицию Православия.

Тема различия и сходства между приходом и общиной интересовала отца Георгия давно, еще со времени первых размышлений об общинной жизни в 70-х годах. Этой теме он касается и в 1988 г. в работе "Приходские общины в православной церкви и потребности современного общества в СССР". В 2001 г. протопр. Виталий Боровой нашел соответствующие терминологические определения, различив приходскую и общинную экклезиологию. Считая приходскую систему явно не отвечающей в полноте на все духовные запросы современных христиан, но и не желая преуменьшать ее значение в современной церковной действительности, отец Георгий старался сделать свой приход, на котором служил, не только миссионерским, но и общинным.

Катехизация

В начале 90-х потребность в катехизации взрослых была необычайно велика. Братство стало проводить открытые встречи, после которых обычно собирались группы желающих начать оглашение, три раза в год — на Рождество, на Пасху и на Успение. Набиралось сразу по несколько групп, иногда более десяти. До этого времени отец Георгий практически сам проводил оглашение во всех группах, помогал ему в основном А.М. Копировский, но теперь его помощи явно не хватало. Однако в братском кругу, в первую очередь, в общинах, появились люди, на которых можно было опереться. Отец Георгий давал им свои конспекты, аудиозаписи, чтобы они без его присутствия вели встречи второго этапа оглашения, а первый и третий этапы проводил сам. С 1990 - 91 гг. некоторые помощники стали уже самостоятельными катехизаторами.

Примерно в это же время в огла-

шении появился еще один этап — "пустыня", в которую новоцерковленным предлагалось уйти по окончании третьего этапа. Этого этапа не было при написании отцом Георгием диссертации. "Пустыня" предназначалась для того, чтобы человек, прошедший оглашение, мог остановиться, прислушаться к себе и сделать выбор своего дальнейшего пути в церкви. В это время катехизаторы оставляли новоцерковленных как бы без своего попечения — без совместных встреч, без требований регулярно ходить в храм, молиться или делать что-либо еще. Каждый человек имел полную возможность определить для себя, каким теперь он видит свой путь в церкви. Примерно через сорок дней "пустыня" заканчивалась, и всех "пустынников" приглашали на встречу, называвшуюся "выход из пустыни".

Терминология, связанная с темой пустыни, основана целиком на библейских текстах. Можно вспомнить 40 лет пребывания в пустыне израильского народа, 40 дней пребывания Моисея на горе Синай и особенно 40 дней пребывания Господа в пустыне перед Его выходом на служение. Человеку перед совершением серьезного шага в духовной жизни свойственна потребность уединения и совершения своего выбора в полной свободе, без влияния каких бы то ни было авторитетов и обстоятельств внешней жизни.

Однако отсутствие каких-либо свидетельств о существовании подобных форм в жизни ранней церкви позволяет предположить, что такого этапа в древней катехизации не было. Поэтому не случайно в системе катехизации, принятой в Сретенско-Преображенском братстве, этот этап возник непосредственно вскоре после рождения самого братства. В древней церкви у человека практически не было необходимости выбирать какие-либо формы церковной жизни, т.к. в нормальном случае он воцерковлялся сразу в общину. После современного же оглашения человек оказывается перед нелегким выбором — прилепиться к привычному, "традиционному" приходскому образу жизни или жить не только на приходе, но и в том братстве, с помощью которого он пришел к вере. Именно на принятие такого решения и дается время "пустыни".

С 1990 г. к отцу Георгию с просьбой о проведении заочного оглашения стали обращаться люди из других городов. Братство не сразу согласилось проводить индивидуальную катехизацию заочно: была опасность редуцированного, неполного прохождения оглашения. Возможность отвечать за качество катехизации при регулярности встреч катехизатора с оглашаемыми раз в два-три месяца была ограниченной. Однако по настоянию желающих стали проводить заочное оглашение при условии регулярных встреч с катехизатором в течение всего года. География индивидуального оглашения тех лет обрисовывает карту бывшего СССР: Ташкент,

Владимирский собор Сретенского монастыря, нач. 1990-х гг.

Нарва, Свердловская область, Калининград, Алтайский край, Сахалинская область, Башкирия, Соловки и т.д.

Институт

Еще в 1988 г. неофициально состоялся первый набор из 12 студентов в Московскую высшую православно-христианскую школу (ныне — Свято-Филаретовский институт). К этому времени дьякон Георгий Кочетков полностью разработал учебные программы четырех уровней школы: оглашения, богословских курсов, бакалавриата, магистратуры. В 1990 г. вышло официальное разрешение на открытие богословских учебных заведений на уровне закона, что дало возможность Школе после двух лет существования войти в состав Российского открытого университета в качестве его богословского факультета. В 1992 г. МВФХШ была зарегистрирована как самостоятельное высшее учебное заведение. Работа над улучшением устройства Школы шла постоянно. Увеличилось количество и уточнялись программы преподаваемых предметов, приглашались новые преподаватели, возрастало число студентов. С самого начала существования Школы в ней читались курсы, которых тогда не было больше ни в одном другом богословском институте России, — такие, как миссиология, катехетика, мистика, антропология и т.д.

Школа задумывалась еще задолго до своего появления как возможность духовного возрастания для прошедших оглашение людей, причем не только для тех, кто планировал свою дальнейшую жизнь связать со служением катехизации. В связи с этим задача ее создателей формулировалась и формулируется до сих пор таким образом: "Приобщить каждого студента к Богопознанию и Богооткровению, ввести его в живое Писание и Предание Церкви не пассивным зрителем, а активным служителем, чтобы избежать в образовании бездуховности, утилитарности, сектантской закрытости, жесткой схоластики, оторванности от проблем современной жизни и церковной практики".

В братстве естественным образом появлялись различные детские программы — братскими силами открылись православный детский сад, воскресная школа, возникли скаутская дружина, молодежная группа. Существовала особая группа педагогов и их добровольных помощников, которая заботилась о том, чтобы маленькие дети были заняты интересными играми во время части богослужения. Детей постарше учили активному участию в службе, а не пассивному присутствию. Когда вставал вопрос о необходимости заботы о престарелых, малоимущих, больных, в т.ч. и просто живущих рядом с храмом, не являвшихся членами братства, то постепенно решались и эти проблемы. Как и раньше, в братстве старались ничего не делать натужно, по каким-то внешним рекомендациям.

Отец Георгий учил братьев и сестер быстро реагировать на запросы жизни.

Дефицит качественной православной литературы, существовавший с советского времени, еще не был закрыт, поэтому братство занялось изданием книг. С августа 1990 года начал выходить журнал "Православная община". В журнале или в отдельных изданиях печатались малоизвестные или впервые переведенные на русский язык труды таких мыслителей, церковных деятелей и богословов, как Н.А. Бердяев, прот. Николай Афанасьев, прот. Сергей Булгаков, протопр. Александр Шмеман и многих других.

Сретенско-Преображенское братство стало одним из немногих собраний православных христиан, ответивших на неожиданно открывшиеся возможности сразу практически по всем направлениям. Сейчас отец Георгий так комментирует этот феномен: "Наше движение возникло естественно именно потому, что мы готовились к полноте церковной жизни и хотели этой полноты. Мне приходилось об этом думать еще тогда, когда была сильна советская власть. Именно подготовка к полноте церковной жизни, к полноте церковного, святоотеческого, апостольского предания, желание исполнять волю Божью... заставляет нас быть тем, чем мы являемся".

Основным служением братства в эти годы по-прежнему оставалась катехизация. Появление общин и братства существенно изменило условия окончания оглашения.

Теперь воцерковляемые не могли не встать перед выбором формы своей жизни в церкви: только приход или еще и принятие братской жизни как наиболее соответствующей евангельскому духу формы жизни в церкви. Нельзя сказать, что все оглашаемые становились автоматически активными членами братства, большой процент огласившихся не входил в него. Многие после оглашения нашли себя в послушаниях на клиросе, в алтаре, в каких-либо учреждениях при приходах, т.к. наученные вере активные прихожане востребованы везде. Следует отметить, что пополнение братства за счет огласившихся никогда не было задачей оглашения. Наоборот, одним из принципов оглашения изначально было то, что оно помогает человеку придти к Богу и в Церковь и проводится отнюдь не для того, чтобы приводить к себе — лишь в свой храм, в свою общину, в свое братство. Никаких "частных целей" у катехизаторов быть не должно.

Как уже говорилось, в эти годы появилось сначала индивидуальное, а затем — групповое заочное оглашение. Таким образом, опыт катехизации стал распространяться по территории всего бывшего СССР, а впоследствии — и за ее пределами.

Анастасия НАКОНЕЧНАЯ

Афанасьевские чтения, 1993 г.

СУД БЕЗ ПРАВОСУДИЯ

К обсуждению «Временного положения о церковном судопроизводстве»

«Если же соль потеряет силу, чем сделаешь её солёною?» Мф. 5, 13

«Временное положение о церковном судопроизводстве», придуманное проф.- прот. В. Цыпиным, было принято Архиерейским собором 2004 г. без церковного обсуждения, хотя Устав 1988 года относит «установление процедуры для всех церковных судов» к компетенции Поместного собора (Устав РПЦ 1988 г., гл. 2, ст. 5, «и»). Без церковного обсуждения в 2000 г. был принят Архиерейским собором новый Устав РПЦ, утверждение которого обе редакции устава относят к компетенции Поместного собора (Устав 1988 г., гл. 15, 3; Устав 2000 г. «Определение Арх. Соб.» ст. 1 от 16.08.2000 г.) Поскольку действующий Устав до сих пор не утверждён, он допускает обсуждение.

Признавая «канонические основания церковного судопроизводства», «Положение» (ст. 1) не допускает ни одной ссылки на конкретные каноны, ни одной цитаты в подтверждение церковности своих правовых принципов.

«Положение» кратко и категорично формулирует основной принцип церковного судопроизводства: «Полнота судебной власти в епархии принадлежит епархиальному архиерею. Епархиальный архиерей осуществляет судебную власть единолично» (Ст. 2, 1).

Дальнейший текст «Положения» посвящён детализации и углублению основного принципа. «Отказавшись от евхаристического источника власти епископа, церковное сознание должно было заимствовать из эмпирической жизни принцип права для обоснования власти епископа. Идея правовой власти привела к установлению правовых отношений между ним и членами его церкви. Иерархическое служение, вытекающее из самого существа Церкви, получило обоснование, которое вообще не содержится в Церкви. Власть епископа, основанная на праве, привела к идее правового ограничения этой власти на Московском соборе 1917-18 г.» (прот. Николай Афанасьев «Церковь Духа Святого». Рига, 1994 г. Стр.296).

Вопрос о церковном обосновании авторитарного принципа «Положение» не рассматривает. Непонятно, чем отличается «полнота судебной власти епархиального епископа» от полноты его административной власти, если в обоих случаях он применяет одни и те же карательные санкции и не несёт ответственность за злоупотребление властью. Если они ничем не отличаются, зачем их разделять и создавать особый институт «церковного суда»?

«Положение» не поставило ни церковной, ни правовой задачи епархиального судопроизводства. Поэтому обратимся к той «эмпирической жизни», из которой «церковное сознание заимствовало принцип права», и посмотрим,

Фрагмент гравюры Густава Доре «Бог умертвляет Левиафана», 19 в.

как в ней поставлена задача суда.

Конституция РФ обосновывает судебную власть обязанностью государства защитить права и свободы каждого человека и гражданина (ст.46,1). «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (Ст.2).

«Никто не может быть лишён права на рассмотрение его дела» (Ст.47, 1).

«Все равны перед законом и судом» (Ст.19,1-3).

Приведённые положения Конституции РФ отражают два евангельских принципа: 1. принцип справедливости: «во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф.7, 12).

2. человек является первичной ценностью, а закон – вторичной: «суббота для человека, а не человек для субботы. Посему Сын Человеческий есть господин субботы» (Мк. 2, 27-28).

В отличие от Конституции РФ Устав РПЦ и «Положение» вводят в церкви принцип неравенства христиан перед законом и судом (Устав 7,8; «Положение» 5,1).

«Положение» не ищет евангельских обоснований. Оно не заявляет и не осуществляет принцип справедливости. Оно не обозначило библейскую идею правосудия, отражённую в Апостольских и Вселенских канонах и правилах святых Отец. «Правосудие» мы понимаем в смысле объективности и беспристрастности суда, заинтересованности судьи в том, чтобы судебная совесть находила для себя объективную опору в законе.

Документ, определяющий процедуру церковного суда, обошёлся без термина «правосудие». Почему суд должен быть правосудным? В правосудии состоит его предназначение: часы должны быть точными, порох – сухим, вода – мокрой, а суд – правосудным (Лев. 19, 15). Правосудие в том, чтобы осудить грех, защитить невиновного, наказать обидчика (Ис. 1, 10-20). Вечным укором неправому суду остаётся смертный приговор Тому, Кто «трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит, доколе не доставит суду победы» (Мф. 12, 20; Ис. 42, 1-4). Судебный процесс должен обеспечить правосудие и эффективность суда, исключить возможность осуждения невиновного. Условия и принципы, принятые «Положением», определяют качество епархиального правосудия.

Его эффективность выявляет практика применения. Церковность «Положения» следует оценивать с позиций человечности суда Божия (Мф. 26, 31-46).

Бог провозгласил ценность правосудия в Ветхом и Новом Завете:

«Не судите на лица, но праведный суд судите» (Ин 7, 24).

«Бог нелицеприятен» (Деян. 10,34). «Я Господь, люблю правосудие» (Ис.61, 8).

Жадной правосудия пронизана книга псалмов царя Давида:

«Правосудие и правда – основание престола Твоего» (Пс. 89, 15).

Правосудия требует каноническое право:

«Не могут быть обличены, яко или по вражде или по пристрастию осудили, или неким угождением прельщены были» (Карф. 16).

«Всякия похвалы исполнен суд правый и законный» (Кирил. 1).

Неправосудный суд извращает природу суда. Это соль несолёная. «Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить её вон на поприще людям» (Мф. 5, 13).

«Не суди превратно» (Вт. 24,17).

В 1864 г. суд Российской империи определил сложившиеся в исторической практике принципы правосудия.

Декалог правосудия

1. Равноправие всех перед законом и судом.
2. Гласность и открытость суда.
3. Участие общественности.
4. Состязательность сторон.
5. Презумпция невиновности.
6. Право на защиту.
7. Право на отвод судей.
8. Всесловный характер суда.
9. Независимость судей от исполнительной власти.
10. Кассационное право на обжалование приговора.

Это не только принципы светского суда. Это принципы, без которых правосудие не состоится. Они приняты, чтобы исключить возможность осуждения невиновного. Эти принципы не вошли в «Положение», хотя некоторые повторяют канонические требования Вселенской Церкви, другие не противоречат им, третьи могут быть воцерковлены. «Положение» исключает «1»; «3»; «6»; «7»; «8». Обратный смысл придаёт «Положение» «2»; «9»; Не заявлены в «Положении» и процессуально не оформлены принципы «4»; «5»; «10». Спорным всегда был девятый принцип: нераздельность судебной, обвинительной и административной власти. Трудно согласовать независимость судей с полнотой архиерейской власти в епархии. Этой проблеме следует уделить особое внимание. Конечно, бывают епископы, нравственный авторитет которых снимает актуальность проблемы. Их доброжелательность не вызывает сомнений. С другой стороны, по свидетельству Лескова, «епископы усердно наказывали всех, кто преступал их «архиерейские» законы, не задумываясь, что эти законы удобоисполнимы только в архиерейских палатах» («Епархиальный суд»).

В истории русской церкви применялись «патриархальные» санкции, противоречащие духу Христову и святым канонам (Лк. 9, 55; Апост. 27; Двукр. 9).

«В архиерейских грамотах часто встречаются выражения:

«Учинить жестокое наказание плетми на страх», «наказание плетми приумножить» (Н. Руновский. Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II; Казань, 1898 г.)

Это серьёзное основание для ограничения архиерейского произвола подтверждается печальными фактами современной практики (См. Псков, Указ № 880 от 28.11.96 г. об отлучении от Церкви монаха Иоанна Ледина; Указ № 952 от 17.03.97 г. о запрещении священника В. Андреева и многие др.). Согласовать независимость судей с полнотой архиерейской власти возможно. Каноны древней церкви и соборное обсуждение 1917-18 г. предлагают способы решения проблемы в интересах церковного предания и правосудия. Эти способы замечательны, поскольку сохраняют полноту архиерейской власти, но ограничивают произвол. Для сравнения со светским декалогом приведём извлечённый из правил Апостольских и Вселенских Соборов **декалог церковного правосудия**:

1. Судить «не по вражде, пристрастии или человекоугодию» (Карф. 16. 3)..
2. Жалобы пресвитеров и прочих клириков на своих епископов выслушивают соседние епископы и с согласия собственного епископа прекращают возникшие неудовольствия (Карф. 11, 37, 139; Сард. 14).
3. Отводить подозреваемых судей, предоставить время для защиты (Кирилл 1).
4. Обвинение от одного, даже епископа, не принимается (Карф. 147).
5. Обвинитель за клевету подвергается равному наказанию (Втор. 6).

6. Обвиняемый лично присутствует на суде (Ап. 74).

7. Ограничение круга свидетелей и обвинителей (Ап. 74–75; Четв. 21; Карф. 8, 28, 70, 143, 144, 145, 147; Втор. 6).

8. Независимость судей гарантирует суд епископов. Согласно канонам, суд над епископом совершают 12 епископов, над пресвитером – 6 и свой, над диаконом – 3 и свой (Карф. 29; 12; 14).

9. Можно выбрать для себя судей (Карф.17, 107, 136).

Если судьи разойдутся во мнениях, приглашают большее число епископов Апт. 14.

10. Презумпция невиновности (Феоф. 6; Карф. 28) и защита прав (Карф. 86; 109).

Декларируя в качестве «канонической основы церковного судопроизводства священные каноны», «Положение» не связывает себя канонами. Оно принимает только три пункта из всего «декалога»: 4, 6 и 7. Остальные заменены одним исключительным принципом судопроизводства:

«Полнота судебной власти в епархии принадлежит епархиальному архиерею. Архиерей осуществляет судебную власть единолично» (Ст. 2, 1).

Архиерей присягает заботиться о благе епархии. Этой цели подчинены все епархиальные учреждения и суд. Забыта лишь овца, ради которой Добрый Пастырь «оставляет 99 в горах и, шед, ищет заблудшую» (Мф. 18, 12). «Положение» не предусматривает правосудие, ибо не видит человеческого лица, в котором отражён Лик Христов: «Как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф.25, 40). «Положение» решает более важную задачу:

«ограждать паству Церкви Божией от ересей, расколов, нестроений и бесчиния, помогать покаянию, исправлению и спасению преступников, имея в мыслях... благо святой РПЦ и спасение ближних» («Положение», присяга судьи).

Эти глобальные цели не включают заботу о правах, достоинстве и судьбе конкретного человека и христианина. Он используется, как случайное средство для достижения высоких и далёких целей. Цель оправдывает средства: «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели весь народ погиб» (Ин. 11,50). Иисус приносит в жертву Самого Себя. Каиафа предлагает в жертву Иисуса. Результат одинаковый: «Сын Человеческий идёт, как писано о Нем». Мораль разная: «Горе человеку тому, имже Сын Человеческий предаётся» (Мф. 26, 24). Что предпочтительнее: жертвенность или целесообразность? Лукава мудрость Каиафы из века в век находит своих последователей и по-прежнему обращает средство в цель.

Прот. Павел АДЕЛЬГЕЙМ

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

короткие рассказы по мотивам воспоминаний ветеранов

Продолжение, начало в № 5(32)

ОТПЕВАНИЕ

(В. Филиппов, род. 1924. Записано в 1989 г.)

Помню, в первый раз поп появился у нас в полку как-то весной 1943-го. Мы стояли тогда в обороне под Курском. Немецкого наступления ждали. Ну а бои небольшие то и дело проходили. То немцы разведку боем пустят, то мы. Потери были постоянно. Вот однажды после боя собирали мы убитых, а из дивизии вдруг распоряжение. Не хоронить до особого распоряжения. А потом вдруг в полку появилась группа старших офицеров из дивизии. А с ними один какой-то странный. Из-под шинели длинные черные полы какой-то юбки виднеются, на голове как-то легкая черная папаха. Издалека странное впечатление этот офицер производил.

Причем что удивительно, это как наш матершинник — комполка к нему прямо с почтением обращался.

Только когда подошли они поближе к нам, увидел я крест, и стало понятно, что это — поп. Просто поверх рясы на себя шинель офицерскую накинул. Ну и слух прошел, что этот батюшка из самой Москвы приехал чуть ли не по распоряжению самого Сталина. Этого мы не ожидали.

Водили попу по полку, наверное, с полдня. Все, что можно было — показывали. Он по ходу всех крестил и благословлял, а солдаты перед ним шапки снимали и головы склоняли. А поп все улыбался. Потом объявили нам, что завтра будет молебен по убитым бойцам нашим и отпевание их перед погребением. Нет, пожалуй, не молебен, а панихида... Или просто отпевание... Сейчас уже не помню толком.

Конечно, сперва это известие было неожиданным. Как же так? Ведь все слышали, что религия — опиум для народа... Но готовиться начали как полагаются. Одели чистое, помылись, побрились. И что самое удивительно, нательные кресты нашлись у многих, даже у комсомольцев. У меня самого, неверующего двадцатилетнего пацана крестик был. Мать освятила в церкви и с собой дала. Я его храню зашитым в нагрудном кармане, как талисман, верил, что он меня от пули сберегает. Только никому не показывал. Не полагалось талисман прилюдно другим демонстрировать. Он тайным должен быть демон. А тут я его на шею одел, и такое меня чувство охватило — не описать. Волновался, словно перед первым свиданием.

На следующий день нас всех построили поротно и знамя вынесли. На помосте стоят наш командир, замполит, начштаба, ПНШ. Еще кто-то среди них был из нашего начальства. Ну и, понятно, батюшка с ними. Перед помостом гробы с погибшими. Но не все в гробах-то. Останки некоторые, особенно кого разорвало, в мешки собрали и уже с ночи в яму положили.

Ну, как положено, сперва замполит речугу динул. Про зверства фашистов, про жертвы, про героев и прочая. Редактор армейской газеты сфотографировал его своей «лейкой». Как обычно.

А потом было отпевание. И тут вдруг понял я, что мне хорошо. Батюшка нараспев молитвы свои читает, вроде ничего не понять, а на душе покой какой-то. И радость даже и плакать хочется. И подпевать «Господи, помилуй!» сам собой начал. Уж молебен закончился, а я все стою без шапки и жду, что дальше будет. А дальше по заведенному обычаю — салют и «предание земле». А потом поротно разошлись по своим местам и начали делиться впечатлениями. И знаешь, никого молебен этот равнодушным не оставил. Всех зацепило.

Что же касается меня, то я потом так и продолжал материн крест нательный носить и никто меня за него не ругал. И хоть продолжал я потом писать в анкетах в графе «вероисповедание» слово «неверующий», креста с себя не снимал. Аж до пятидесяти восьмого года не снимал, когда сильные гонения начались против церкви-то. Тогда снял и убрал в стол. А уж теперь внука своего этим крестом крестил.

ПОДЗЕМНАЯ ЦЕРКОВЬ

(по мотивам рассказа Феди — печника. Записан в 1982)

Было это уже в конце войны. Нет, еще не сорок пятый, а весна сорок четвертого, но что конец войны, понимали все. Понятное дело, что фрица мы почти везде до границы откинули, готовились «в логово зверя» идти.

А весна такая... Ну просто не сказать! Красивая, буйная, ясная. И вдруг до нас доходит весть, что по всей стране Пасху справляют. Пасху! Да ты даже представить себе не можешь, что это за известие для нас было! Это ты, когда рос, видимо, на пасху крашеные яйца спокойно лопал, и на кладбище с бабушкой их носил с куличом и конфетками-то. А до войны, чтобы кто-то на пасху кулич открыто испек, или яйца крашеные на кладбище отнес — и думать не смей! Сразу обвинили бы во всех смертных. Так что таились с пасхой-то. Ну, не только с пасхой, конечно, но сейчас о пасхе речь.

Короче, стояли мы тогда в Смоленской области. Деревенька Красное спалена до тла и церковь до основания взорвана. Кто взорвал? А бес его знает. Может, немцы, а может, и наши. И так было. Немцы-то любили на колокольне, или под куполом пулеметы ставить. Церкви-то у нас преимущественно на господствующих высотах ставились. Вот и долбили часто наши пушки по церкви, чтобы откуда пулеметчиков выковырять. Ну и разбивали церкви-то. А может, и партизаны ту церковь взорвали. Немцы-то в церквях, случалось, целые подразделения квартировать размещали. Короче — не знаю я, кто ее взорвал-то.

Тут в Красном от церкви одни только каменные осколки остались. И от самого Красного тоже одни головешки с печами посреди. Правда, печи эти топили. Да, прямо на улице! Тебе смешно, может, ты и не знаешь, что русская печь топится не только для отопления. В ней ведь еще кушать готовят, но для этого, ты прав, дров шибко много уходит. Так что главное — ее топить не простую еду готовить. Главное — русская печь топится, чтобы хлеб испечь! Вот и стояли мы на переформировке у такого поселка. Улица, вдоль нее липы, садовые деревья и печи, трубы которых время от времени дымят, а в прочее время на них коты лежат, и куца кирпичика на взгорке от церкви — вот все, что осталось от Красного к первой весне после его освобождения.

Мы стали у леска. Вырыли себе землянки, устроили настоящий военный городок и живем-поживаем. Занимаемся, пополняем, формируемся. Жители Красного тоже себе землянки на огородах вырыли. Правда, какие землянки могут бабы сделать? Так, норы одни. А в Красном окромя баб никого и не осталось. Ну, по распоряжению нашего комполка взяли мы над ними шефство. Построили им добротные землянки. Стены жердями обили, двери навесили, внутри лежанки, печки кирпичные с земляными трубами, окна даже небольшие вставили. Короче — фронтное жильё на все сто! Правда, им-то лучше было бы дома построить, но наш личный состав, как на грех, все пацаны молодые. Плотников нет, а у баб ребятишки болят, на земляном полу вода хлюпает. Спешить надо было. Так что, что умели, то и построили. И быстро.

А аккуратно перед пасхой в селе священник объявился, что прежде в местном храме службу справлял. Ну и сразу к нам. Мы думали, что он за жильё просить будет, а он нам про церковь свою просьбу завернул. Мол, помогите храм Божий восстановить, скоро праздник великий. А как мы ему его восстановим, да за десять дней всего? Тут и материалы нужны, и квалификация. Ну, слово за слово, предложили ему, если начальство наше возражать не будет, построить ему тоже землянку, но размером побольше чтобы в нее человек сорок-пятьдесят зараз поместилось. Он сперва эту идею напрочь отверг, но наутро уехал куда-то советоваться. Уж не знаю, где и с кем он там советовался, но назавтра нам уже приказ из полка привезли, чтобы содействовать в постройке храма

по согласованному с батюшкой проекту.

Сначала он место под церковь выбрал. Тоже на взгорке, недалеко от порушенной церкви, входом на запад. Ямы выкопали поглубже чтобы с обваловкой стен получился потолок высотой хотя бы метра в три с половиной. Крышу над поверхностью земли приподняли шатром, в фронтонах окошки прорезали, а наверх шатра — хоть и квадратную маковку, но с крестом подняли. Батюшка тот такой деятельный попался. Все бегал по всей стройке, и какая когда проблема возникла, так первым делом молился, а потом только выяснял, чем и как помочь можно? И ведь помогал. Сам и за пилу брался, и бревна с нами таскал. А уж когда начал иконы и прочую утварь из руин в землянку переносить, так и вообще летал, как пчела. И весь прямо-таки светился от радости.

Как-то быстро мы эту церковь-землянку построили. Чуть ли не за три дня. А потом еще дня три или четыре ждали, когда приедут какие-то духовные отцы освятить ее. Ну а когда освятили, так первую вечернюю службу в ней батюшка для нас провел. Сам молитвы читает, а ему три бабули тоненькими голосами подпевают. Знаешь, я много потом в разных церквях был, но нигде не видел такой красоты, как внутри нашей подземной церкви, а главное — нигде и никогда не видел я разом столько счастливых людей. Ведь светился и сам батюшка, и каждый из нас тоже.

Вот так довелось мне в войну и церковь построить, к тому же подземную. Это потом я узнал, что, подземная церковь — совсем не редкость. Уже позднее, мотаясь по стране, видел я не раз церкви, у которых летом служба ведется в надземной части, а зимой в подземной. Это чтобы на отоплении экономить. Так-то.

Ну и про судьбу нашей церкви могу сказать чуть-чуть. Что-то году, наверное, в сорок восьмом встретил я своего однополчанина — артиллериста. Мы с ним аккуратно из армии увольнялись. Просто после Польши пути наши разошлись. Он попал в запасной полк, а я продолжил путь в «логово зверя». Ну и надо было такому случиться, что их запасной полк дислоцировался в двадцати километрах севернее Красного. Так что он имел возможность заезжать туда. Так вот. В сорок пятом в селе началось строительство домов. Появились мужики. А в сорок шестом тот самый батюшка начал восстанавливать и разрушенную церковь. И когда мой приятель уезжал отсюда, каменная церковь была уже готова, но службу продолжали справлять все-таки в нашей подземной! Говорили, что там уютнее.

ЮРОДИВЫЙ

(рассказал Семен Васильевич Кудрявцев. Записано в 1990 г.)

Это было в войну. Мы жили тогда в Смоленске... А Смоленск — он богат церквями-то. Ну и крепость тоже. Крепость очень нас, ребятишек, прельщала. И часто мы играли «в войну», «Чайпа», или «казачков-разбойников» возле крепостных валов. И недалеко от нашей игровой площадки стоял действующий храм, возле которого по церковным праздникам собиралась толпа народу. И мы туда приходили по праздникам. Но, конечно же, не молиться. Там у храма сидел интересный человек. Тогда же я услышал такое странное слово — «юродивый». Именно так называли этого человека взрослые.

Он был странный. Никто не видел, когда он приходил к церкви и когда уходил, так как появлялся он с рассветом и до темноты все сидел на своем месте. Нарядился и летом и зимой в какую-то хляндю навряде длинного до пят пальта и всегда ходил босый и с непокрытой головой. Он тихо сидел перед входом в церковь, вполголоса бормотал что-то, порой пел, раскачиваясь, и часто-часто крестился. Многие считали его тронутым умом и боялись его. Другие называли Петей-дурячком и смеялись над ним. И только старенькие бабушки кланялись ему и внижательно слушали, что он им скажет.

Говорили, что его пытались убрать оттуда. Вроде забрали его в кутузку, но от-

туда перевели в больницу, а как он чем-то помог жене местного начальника милиции, его оставили в покое, да и отпустили. С тех пор он и жил при церковном кладбище со сторожем, сидел внутри церковной оградой и жил на подавания. Милиция его не трогала.

Часто говорили между собой взрослые про Петю-дурячка, но кто и как к нему ни относился бы, за советом или даже за помощью к нему приходили почти все. И те, что смеялись, и те, что боялись и милиция и даже мы, ребятишки. Помню, что советовались с ним всегда. Постоянно кто-то стоял возле него со склоненной головой или даже сидел рядом на корточках, а он нараспев говорил что-то. Мама говорила, что он очень мудрый, что если его спросить о чем-то очень важном — ответит и точно! Но если спросишь что глупое — глупо и ответит.

Вот и начало войны я помню очень хорошо, потому что мы тогда возле Пети и были и первый раз слушали слова странные, что говорил он. А говорил он утром, когда сообщения о нападении еще не было и говорил о том, что черные тучи с запада идут на нашу землю, что идет оттуда черная саранча и жабы, которые заполонят землю, что летят птицы с железными клювами. Что идет антихрист и если он победит, то конец всей земле наступит. И говорил он об этом нараспев, даже как-то складно. Поневолу все мы замерли и гул стих, и тут кто-то сказал, что война, мол, скоро и опять народ загалдел, а Петя сед на скрепленные ноги, закатил глаза и бормочет что-то про себя! А через пяток минут уже бежит наша почтальонша и кричит, что сегодня немец напал на нас.

Потом, уже в июле, Петя не раз говорил, что придет и к нам немец и принесет с собой смерть великую. И что только когда мы все захотим немца изгнать, немец назад побежит.

А потом и немцы пришли. Сперва все храмы позакрывали, но потом их открывать стали. Ну и Петя на своем месте появился. И опять около него бабки, да бабы толкуются, а он им про что-то вещает. А вскоре немецкой какой-то чин к церкви приехал. Прошел, поглядел, как службу несут, потом покрасовался на фоне храма, пока его тощий фотограф снимал, и потом заметил Петю. Ну и прямым ходом к нему. А позади уже спешат солдат с автоматом и переводчик с круглыми очками в железной оправе.

Ну и спрашивает немец Петю, что тот скажет о войне. А Петя ему в ответ, что война, мол, продлится еще долго — не один год. А немец сначала как-то поморщился, а потом сказал, что да, мол, в следующем году немцы начнут высадку в Англии и войну за Индию. Но Петя ему в ответ, что не с Англией, а с СССР война продлится долго. Немцу это не понравилось, но он промолчал. А Петя пропал на несколько дней. Появился он избитый и сильно похудевший. И опять к нему люди потянулись. Но он уже прилюдных речей не говорил. Вел себя тихо, но с каждым говорил о проблемах пришедшего.

А зимой он сидел на своем месте босый. Это смотрелось очень странно. Сам в тулупе и шапке-ушанке, и босый. И скрывали, что всем рассказывал, как немцам под Москвой выпали. Словно узнавал обо всем по радио... Скольким он веру в победу вернул — и не сосчитать. Сам помню, как верил всем его словам и весь сорок второй все ждал, что наши вот-вот придут. Но пришли они позднее, а нас с мамкой и вообще освободили только в конце сорок четвертого.

Ведь осенью сорок второго угнали нас с мамкой в Польшу на работу, и мы стали ишачить на немецкого бюргера. Так что не знаю я, что с Петей было после нашего отъезда, но после войны его а горде уже не было. Правда, году в пятидесятые кто-то говорил, что вроде как дожил наш Петя — юродивый до весны сорок третьего и пропал. Не то немцы его с собой увели, не то убили кто. Я этого уже никогда не узнаю.

Запись рассказов, расшифровка и литературная обработка
Михаила СВИРИНА

Эсхатологический вопрос сейчас стоит очень остро. Оглядываясь на общественные явления прошедшего века, мы видим, что он во многом отмечен эсхатологическими знаменами. Однако в современности почти не видно подлинной эсхатологии, и сегодняшние эсхатологические чаяния не вызывают доверия.

К концу XX — началу XXI века на фоне растущего эсхатологического равнодушия европейского общества в христианстве возникает целый ряд эсхатологических концепций. В их числе немало противоречивых, т.е. содержащих противоположные суждения, но есть и такие, которые совершенно не уместаются в традицию и которые плохи в первую очередь не своей противоречивостью, а как раз тем, что они, так сказать, нетрадиционной ориентации по отношению к Церкви. Эсхатологическое сознание и всегда было склонно к некоторым западаниям — в лжемистику, в лжепророчество, в лжеотрицание мира или в лжеприветие мира сего; у эсхатологии всегда был и будет темный двойник. Однако сейчас это особенно чувствуется, и непонятно даже, что в этой области принимать, а что не принимать.

убежать. Или почувствовать себя выше — никуда не уходя и ничего на деле не меняя, а просто вот, вы, мол, все черненькие, вы прыгаете, а я зато знаю, зачем вы прыгаете и до чего вы допрыгаетесь. И это тоже очень характерно — претензия; эсхатология как претензия на понимание народов и даже отдельных людей, личностей. Эта претензия колоссальна.

Желание найти смысл существования наций, людей, эпох, всей истории и т.д. было в начале XX века реальным внутренним духовным запросом, которому отдали, как известно, огромную дань и о. Сергей Булгаков, и Н.А. Бердяев, и многие другие. У Бердяева есть книжка «Смысл истории», а также книжка «Русская идея». Этот поиск был вообще характерен для модерна: похожие явления можно найти и в других странах. Но когда люди говорят об эсхатологии сейчас, они все время говорят о чем-то, что уже как бы «проехали», что отгремело, отошло в мир иной. Мне кажется, что новая эсхатология до сих пор так и не родилась, есть только какие-то отдельные знаки, какие-то отдельные пророческие сполохи. Правда, они всегда есть, без этого быть

лое, а пророческое — нечто многообразное и многоцветное, многогранное восприятие мира и его судеб. И я это запомнил на всю жизнь. Я думаю, что в этой мысли содержится многое.

Когда мы встречаемся с современными эсхатологическими разговорами, книжками или действиями, это чаще всего какие-то фальшивки, обманки, какие-то мифы, которые сродни пиару. Пиар ведь тоже мифотворческая вещь, ему нужно создать красивый рекламный миф. Пусть этот миф будет тысячу раз гнилой и бес-содержательный, но он должен выглядеть красиво, и тогда ты победишь: ты победишь на выборах, ты победишь где угодно — в культуре, в искусстве, в науке, в экономике и вообще в жизни.

О вещах духовных мы всегда говорим на языке мифа, и заслуга в осознании этого факта принадлежит во многом именно XX веку. Но необходимо различать мифы истинные и ложные, т.е. такие мифы, которые способны выражать духовную истину наиболее адекватным образом, и такие, которые, напротив, оторвались от реальности, которые сродни волшебной сказке или чему-то подобному — мыльному пузырьку, например.

Возможность верифицировать веру — в самой вере, т.е. в традиции, в традиции как опыте, в традиции как основе понимания Священного Писания, известной нам из Священного Предания или из церковной истории и т.д. К тому же есть вещи, которые исходят просто из внутреннего опыта, где просто говорит опыт Церкви. Собственно, это и есть традиция — опыт Церкви. Церковь знает, что это вот хорошо, а это плохо. Почему? — Иногда это сказать трудно, не всегда можно сказать почему. Но такие вещи есть.

Люди хотят знать больше, чем они могут знать, когда начинают вычислять, допустим, даты конца мира. Сказано было, что даже «Сын Человеческий не знает ни дня, ни часа» светопреставления, а вот мы — хотим знать. Потому что мы хотим знать, что нам делать завтра: одевать ли, так сказать, белые тапочки или надо идти накапливать богатства и ни о чем не беспокоиться. То есть опять же за этим часто стоят какие-то утилитарные вещи или же вещи совершенно патологические. Существует больная психика, больная вера, в конце концов, бывает и большой дух. Мне кажется, что люди больные — душевно и духовно —

В ПОИСКАХ СМЫСЛА ИСТОРИИ

Доклад ректора СФИ, свящ. Георгия Кочеткова «О проблемах современной эсхатологии»

XX век был чрезвычайно мифологизированным веком. Отсюда и идеологизация, ведь миф и идеология очень близки. И, может быть, как раз эсхатологический миф был здесь одним из центральных. В этом смысле прав дон Патрик де Лобье, когда в своей книге «Эсхатология» он пишет, что в коммунистических и в других крупнейших движениях и войнах XX века видны эсхатологические начала. Современная эсхатологическая настроенность тоже в большой степени строится на мифах, причем на мифах вчерашнего дня: мы видим то же желание светлого будущего, то же отрицание существующего мира, стремление уйти от него,

не может. Подлинным эсхатологическим сознанием и чувством в большой степени обладал Сергей Сергеевич Аверинцев. Он много об этом думал, и ему было здесь что сказать. Но он был очень осторожен, он никогда не размахивал эсхатологическим знаменем, хотя очень интересовался вещами, которые были связаны с духом и смыслом истории, а значит, и с эсхатологией. Одним из первых моих сильных впечатлений при чтении Аверинцева было то, как он объяснял различие апокалиптического и эсхатологического сознания, или апокалиптического и пророческого. У него апокалиптическое — это как бы нечто двуцветное, черно-бе-

Мыльный пузырь — это по-своему красивая и гармоничная переливающаяся реальность, но от него толку нет, и тем более нет в нем никакой основательности. Им можно какое-то время полновольно и поиграть (наверное, все когда-то в детстве этим увлекались), и когда ты знаешь, что это только мыльный пузырь и трезво на это смотришь, все нормально. Если же ты думаешь, что это некая великая таинственная реальность — тогда совсем другое дело. XX век показал, что люди легко, и даже легче всего, идут именно за пустыми и ложными мифами. Эти мифы не выражают духовную истину, а уводят от нее в сторону, причем иногда — очень сознательно. Часто за подобными мифами стоит сугубо рационалистическое основание. Не просто рациональное, а именно рационалистическое — вплоть до конкретной экономической, политической, национальной и т.п. выгоды, т.е. самые что ни на есть утилитарные вещи. Людям часто хочется как-то оправдать свои слишком земные устремления, и для этого они создают пиар, не заботясь при этом о том, как долго он проживет. Вот эта наглость современных мифов меня потрясает. Как-то мы ехали с тем же Сергеем Сергеевичем Аверинцевым в машине и он говорил: «Насколько все-таки ужасна современная реклама — это как бы априори обман, ведь ничто не рекламируется по существу: просто играют на ассоциациях людей и пытаются психологически запомниться; пытаются выиграть первенство, и при этом совершенно неважно содержание». Именно такие мифы XX века страшны, потому что они могут миллионы людей сдвигать со своих мест, могут, подобно коммунистическому мифу в России, десятилетиями владеть умами сотен миллионов людей. Не случайно же эта красная зараза (как и коричневая, и прочая), вся пронизанная мифами, распространилась по целому ряду стран, и, можно сказать, только промыслом Божиим она не осуществила до конца своих чаяний: могло и еще может быть значительно хуже.

Как отличить истинный миф от ложного? Ведь мы понимаем, что этот вопрос, в конце концов, есть вариант вопроса о том, как отличить Христа от Антихриста, и что тем самым это — вопрос эсхатологический. Вот, некоторым людям везде мерещится число 666, они все подгоняют под это число. Тут мы имеем дело с откровенно большим сознанием, потому что здесь нет основательности в использовании образов и цифр Священного Писания. Всякие попытки понять такие вещи буквально в принципе обречены на провал. Конечно, мы не всегда отрицаем все буквально в толковании, нет, что-то мы можем понимать и буквально. Но ведь есть какие-то вещи, которые существуют только в традиции.

очень склонны не к эсхатологии, а именно к апокалиптике. Другое дело — что такое здоровье. Здоровое — это что-то не чисто рационалистическое и не демифологизированное. Я лично считаю саму задачу демифологизации ложной в принципе. И то, что за нее так ухватились на Западе, совершенно не случайно. Хотя, с другой стороны, она дала возможность подойти с научными критериями ко многим традиционно мифологизированным, легендарным «историческим» рассказам, что мы видим, например, в «Истории канонизации святых в Русской церкви» Е. Голубинского. Это необыкновенно очистило Русскую церковь! Дикие исторические мифы, которым придается буквальное значение, подавляют дух, подавляют всякую способность искать истину в глубине.

Здоровое христианское сознание пронизано эсхатологией, оно эсхатологично по определению. Но переживая то, в чем мы сейчас «существуем», трудно отделаться от прямого апокалиптического ощущения. Когда мы видим, что при движении истории что-то положительное может произойти — вот здесь и теперь, — но принципиально не происходит (а шансы в истории не повторяются), то кажется, что мы не просто движемся к концу, а все время теряем возможности, и груз этих утраченных возможностей давит на следующие поколения. Это трудно совместить с адекватным эсхатологическим сознанием, которое предполагает конструктивное отношение и к истории, и к жизни отдельного человека. Однако история противоречива в принципе. В ней всегда идет параллельное нарастание как позитива, так и негатива — прежде всего духовного, но, впрочем, и всякого другого. Именно параллельное! Но мы, как правило, воспринимаем мир монистически, и наше обыденное сознание предполагает, что если в некоем целом одной части стало больше, то другой осталось меньше. Мы так воспринимаем и общество, и самих себя, точно так же мы относимся и к этому миру. А на самом деле все по-другому, если говорить о судьбах мира в целом, в глобальном масштабе, и это тоже одна из важнейших вещей — то, что происходит одновременное нарастание негатива и позитива или, наоборот, угасание позитива, и может быть одновременное угасание негатива. Конечно, в чем-то частном могут быть и варианты. Однако обычно это людьми не воспринимается, так же как не воспринимается ими то, что современный христианин не может всерьез поддерживать, скажем, учение о бессмертии души человека. Это настолько вошло в плоть и кровь людей, как и в разные церковные и околоцерковные писания и предания, что кажется, что если этого бессмертия нет, то разрушаются самые основы веры.

Еще одна проблема: до сих пор отнюдь не для всех очевидно, что Церковь и Царство Небесное не одно и то же. Для большинства христиан, оказывается, все прямо наоборот. Но Церковь и Царство Небесное — радикально не одно и то же, ибо Церковь, хотя и от Бога, но существует в историческом времени, а Царство Небесное — лишь в метаисторическом. Поэтому в Писании Нового Завета чаще и говорится о «залоге Духа», который мы получаем и получили, а не вообще о Даре Духа Святого, на чем часто настаивают люди, делающие акцент, скажем, на таинствах Церкви. Не случайно же в Писании говорится, что Царство Божие придет со Христом, грядущим в силе. Эта характеристика полноты, совершенства и силы и отличает это Царство от Церкви, которая все-таки характеризуется неполнотой, несовершенством и слабостью, что, конечно, не умаляет Церкви с большой буквы, не умаляет присутствия Духа в ней, не умаляет церковных возможностей преображения мира и обожения человека и т.д.

Главное доказательство параллельного нарастания негатива и позитива связано со сменой Заветов в истории. Это как бы глобальный позитив — сама возможность смены: смены дней творения и смены Заветов — при том, что все это приобщено к вечности, потому что оно от Бога. Но мы знаем о нарастании негатива и позитива и из простой истории церкви, и этим мы отличаемся от многих протестантов и мусульман, которые никакого нарастания в истории не видят и даже не считают, что оно нужно: мол, если Бог что-то сделал, то Он сделал это сразу совершенно, полно и абсолютно. Это на самом деле фундаменталистская идеология, это концепция в принципе нетворческая, и значит, вряд ли истинная.

Одновременность нарастания негатива и позитива увеличивает степень их смешанности, и в связи с этим на церковь ложится особая эсхатологически окрашенная задача: четче обозначать проблемы, дабы позитив по возможности не терялся, а негатив, соответственно, его не поглощал. Но христианский мир не находит в себе сил преодолевать ту дебелисть, которую он нашёл за две тысячи лет и которая мешает ему видеть свои задачи. Самое главное, что мы потеряли, — это две вещи: простоту во Христе и способность обличать зло и грех по-христиански. Когда мы обличаем, мы ругаемся и идем на разрыв. В то время как не нужно идти на разрыв ни с людьми, ни с церквями, ни с культурами, ни с нациями, ни с историей. Если и надо идти на разрыв, то только с грехом, только со злом — с традицией зла и с традицией греха, с традицией неверия и т.д. Зло надо изобличать, но изобличать его надо просто и по-христиански — и значит, для этого нам нужно иметь силу и дерзновение, как и смирение, и нам надо знать, как это делать по-христиански, т.е. от полноты любви, всегда будучи последовательно за человека, но всегда против зла в нем и вокруг него. Чаще бывает наоборот, мы бьемся против человека, но готовы играть со злом, готовы оставлять ему место в себе: пусть, мол, в уголке где-нибудь полегит — вдруг пригодится.

Сейчас это пророческое обличение — самое главное. Более того, сейчас практически не видно других путей в церкви и мире, потому что сейчас не работают, скажем, никакие великие богословские и философские концепции — поэтому же они и не рождаются. Есть один-единственный прорыв в XX веке — прорыв к общинно-братской экклезиологии. Хотя и он все-таки пока еще до конца не увенчался успехом, не будем обольщаться. Это было единственное живое движение, экзистенциализм, который вдруг пошел изнутри христианства, когда внутри запыло жареным. Это было движение по возрождению церкви, по ее обновлению. Ведь настоящее обновление церкви — это когда восстанавливаются ее общинно-братские экзистенциальные основы, точнее, личностные, с одной стороны, а с другой — общинно-братские. Одно без другого, всем понятное, в христианском контексте существовать не может, иначе мы превратимся просто в некий новый первобытнообщинный строй или в замкнутую национальную или культурную общину, которая не хочет ни с кем общаться и хочет лишь себя считать един-

ственно истинной для всех, перед всеми. Я считаю, что этот прорыв был в XX веке самым крупным.

Еще была попытка подвести какой-то итог всему константиновскому периоду церковной истории, в том числе и в области богословия, что блестяще сделали о. Сергей Булгаков и Н.А. Бердяев, а на Западе — II Ватиканский собор и все те, кто его готовил: католические богословы и церковные деятели и папа Иоанн XXIII. Этот прорыв тоже шел от желания подвести итог, воспользоваться всем тем богатством, какое было накоплено веками, и попытаться сделать его живым, духовным и жизненно-практическим, т.е. именно экзистенциальным, близким к сердцу, чтобы люди принимали ближе к сердцу всю христианскую жизнь, а не только какие-то ее фрагменты и части.

Но это, собственно, тоже есть общинно-братская и личностная концепция христианства. Не случайно и она как практика христианской жизни оспаривается во всех церквях. Людям кажется, что это слишком узкий путь, а они узкий путь принимать не хотят. Увы, мы удалились еще и от способности идти узким путем, сейчас мы чаще всего выбираем линию наименьшего сопротивления, т.е. путь широкий. Вот это, я думаю, вещи того же эсхатологического значения. Нам нельзя не обладать простотой сердца, но и нельзя, будучи христианами, желать широкого пути. Другое дело, что попытки искусственно сузить этот путь часто ведут к фундаментализму, когда труд пути порождает грыжу, т.е. когда от натуги на теле вырастает опасный «мешок». Конечно, это очень опасно, поскольку фундаментализм есть некоторый бич современного христианства, хотя, впрочем, не только христианства.

Я считаю, что для всех нас фундаментализм — опасность номер один, тоже имеющая эсхатологическую подоплеку. Сколько было крику по поводу практического атеизма в лице капитализма и секуляризма, но теперь надо еще сильнее кричать о том, что практический атеизм — это фундаментализм. Наши фундаменталисты, которые с радостью отдадут жизнь, скажем, за восстановление церковных институций, золотых куполов, крюкового церковного пения, канонической иконописи и всего прочего, могут при этом просто-напросто не верить в Бога. Об этом много пишет Христос Ян-нарас, а Оливье Клеман, выступая у нас в Свято-Филаретовском институте, как-то сказал, что фундаменталисты просто не верят в Христово Воскресение. Но на самом деле им и Бог совершенно не нужен! Фундаментализм — это духовная пустота или какие-то пустоты, которые можно заполнить чем угодно. Как сказано в Писании: «Они — безводные облака, ветром носимые... деревья осенние, бесплодные» (Иуд 1:12). Все это, конечно, тоже всегда связано с эсхатологией, не случайно фундаменталисты так ее любят: они все время говорят о пришествии Антихриста, об ИНН или еще о чем-то подобном, они все время ищут врагов.

Мы можем сказать, используя формулу о. Патрика де Лобье, что Цивилизация Любви — это цивилизация, которая предполагает укрепление личностных и общинно-братских отношений. Хотя бы в церкви, а может быть — и во всем мире, потому что подобные отношения могут существовать и вне видимых границ церкви и внешней христианской традиции, как она сложилась на сегодняшний день. В этом смысле «традиция веры вне церкви» имеет очень большое историческое значение. Перспективы здесь огромны, потому что они более всего зависят от личности каждого человека, а значит, они могут зависеть даже от нас, как бы малы и ничтожны мы сами по себе ни были. Здесь каждый человек — в поле воин, любой, даже один. И мы можем спокойно утверждать, что здесь есть хорошие возможности. Это ставит перед церковью особые задачи, которые она начинает осознать. Не случайно именно во второй половине XX века возродилась, скажем, катехизация взрослых — не только потому, что появилось много некрещеных людей, которых раньше не было, но больше всего потому, что, пройдя через антропологический кризис, связаный с тоталитарными режимами, мировой войной и т.п., церковь всерьез, по-настоящему увидела проблему возрождения личности. И не случайно эта про-

блема встала почти сразу почти во всех церквях.

Среди важных вопросов современной эсхатологии — вопрос об эсхатологической судьбе культуры глазами Церкви. Культуру я воспринимаю как первый плод духовной жизни, потому что культура прежде всего говорит о предпосылках. Это прежде всего творчество иерархии ценностей и целей. Кроме того, культура — хотя бы частичный ответ на вопрос «как». Как быть, как сделать, как строить отношения — то есть не только «что», но и «как». Это очень близко к вере, не случайно же многие даже путают христианскую веру с христианской культурой, от чего предостерегал меня еще в начале 70-х годов известный московский проповедник прот. Всеволод Шпиллер. Мне он вообще очень помог демифологизировать мою веру и жизнь — освободиться от ложных мифов, которыми я, конечно, тоже тогда был напичкан. Да, культуру надо отличать от того, что ее порождает, но ее не надо от этого и отрывать! Церковь — это важнейшее и сильнейшее культурообразующее начало, и если церковь не есть такое начало, то это тоже ее болезнь. Другое дело, что потом, в истории, уже сама культура стала сильно влиять на церковь, т.е. важно, что существует мощная обратная связь. Она тоже может быть большой, что, в частности, может проявляться в возникновении фундаментализма, модернизма и т.п., — но это вопрос другой.

Культура — это действительно отчасти память, отчасти вдохновение. Хорошая культура всегда связана с вдохновением, пусть иногда и очень простым, совершенно человеческим вдохновением. Но вдохновение — от корня «дух», и это уже обобщено, ибо это имеет отношение хотя бы к образу Божьему в человеке, даже если не всегда и не сразу к Богу. Близость нам Бога и образа Божьего и при этом задача нашего богоуподобления — все это имеет прямое отношение к культуре, потому что культура не дает разлагаться этому образу, а дает ему возможность реализоваться и помогает нам двигаться по пути богоуподобления. Естественно, одной культуры здесь недостаточно: без внутреннего подвига, без устремленности к Самому Богу, как и без Откровения, нельзя решить эту задачу. Но то, что культура — одна из важнейших сил, действующих именно в этом направлении, — я в этом уверен.

Сегодня православие переживает не лучшие времена, оно сейчас, безусловно, находится в самом жестоком кризисе. Однако православная традиция имеет то несомненное преимущество, что она больше обращена к Преданию, к Духу, и поэтому даже тогда, когда она сама не являет высокий уровень духовной жизни, эта возможность в ней всегда остается. Православному человеку никто никогда не помешает обратиться к Духу, обратиться к Традиции-Преданию и черпать из самых глубоких основ творчества силу духа, которая всегда от Бога, если это творчество — истинное. Это, повторяю, — огромное преимущество Православия, и никакие иные имеющиеся формы, никакая даже самая плачевная реальность не могут этому помешать.

К сожалению, в последние 10–15 лет в нашей церкви сделан серьезный шаг назад, но, видимо, это происходило не только у нас, т.е. не только в православии и не только в России. Тем самым мы стали еще ближе к кризису, и в дальнейшем эти кризисные явления будут не просто острее ощущаться, они неизбежно будут носить какой-то более глобальный характер. Хотя и локальный тоже: скажем, в Москве этот кризис неизбежен, потому что то, до чего довели церковные и светские власти Москву, безнаказанно пройти не может. Я думаю, что в ближайшее десятилетие нам надо ждать усиления трудностей внешнего характера, и в то же время нам надо рассчитывать на то, что в России будет нарастать стремление к божеской жизни, к возрождению личностного и общинно-братского начала, соборного начала, причем не только в церкви, но и вокруг нее, в традиционной и, что важно, в нетрадиционной для христианства культуре.

Будет трудно, но можно совершенно спокойно смотреть в будущее. Если быть верным духу и смыслу нашей жизни, если быть трезвенным и различать духи, если верить в Церковь и быть адекватным по отношению к истории, то все препятствия, хотя они и всегда будут, нас никогда не победят!

Свящ. Георгий Кочетков,
кандидат богословия
(доклад прочитан на colloquium
по эсхатологии.
Иерусалим, 14-15 мая 2005 г.)

Для иллюстраций использованы гравюры Альбрехта Дюрера.

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Одержимость работой взрослых заражала и детей. Ребёнок никогда не был центром жизни семьи Чуковских, он всегда рассматривался как помощник, с которого много спрашивается. То есть дети были участниками жизни Корнея Ивановича. Он привлекал их ко всем тем занятиям, которыми занимался сам. Как бы ни были малы дети, он, конечно, всегда с этим соотносывался, но он их втягивал, не знаю, в уборку, в чтение, в изучение английского языка, во все те дела, повторяю, которыми он сам занимался... Так что сподобом воспитания была просто жизненная необходимость действовать так, а не иначе. Это же можно сказать и о семье Александра Исаевича: все его дети замечательно воспитаны. Они удивительно трудолюбивые, вежливые, образованные. А, конечно, ни он, я думаю, ни Наталья Дмитриевна, не имели возможности особенно много времени им внушать какие-то понятия. Просто эти понятия им внушала жизнь, внушал уклад жизненный, подход к явлениям, которые они наблюдали, и требования, которые к ним предъявлялись. Поэтому, мне кажется, что дело не во времени, которое родители отдают детям, а дело именно в их образе жизни. В том, какой пример видят дети. Вот это, наверное, важнее всего.

— Дети понимали, что они тоже должны постоянно помогать родителям. Записи в дневнике Корнея Ивановича в голодное время Гражданской войны: «Поразительную вещь устроили дети. Оказывается, они в течение месяца копили кусочки хлеба, которые давали им в гимназии, сушили их. Вот изготовили белые фунтики с наклеенными картинками, набили эти фунтики сухарями, и разложили под ёлкой как подарки родителям. Дети, которые готовят к Рождеству сюрприз для отца и матери! Не хватает ещё, чтобы они убедили нас, что всё это — дело Санта Клауса. В следующем году выставим к кровати чулок». Корней Иванович не любил застолий, он был очень непоседливым человеком. И он долго не мог бы провести за столом. И вот его запись о дне рождения младшей дочери, Мурочки: «Вчера было рождение Мурочки. День для меня — светлый, но омрачённый гостями. Я ненавижу безделье в столь организованной форме».

Об отношении к труду

— Я ещё скажу об отношении Корнея Ивановича к труду, потому что здесь какой-то, всё-таки, центр его личности. Как пишет о нём Лидия Корнеевна, «всякую работу, которую он делал, он тянул как четверо лошадей, запряжённых в одну упряжку». И того же требовал от других... ведь он был принципиальным самоучкой, как я говорила, он не кончил даже гимназии. И всех знаний, которых он достиг, он достиг сам, потому что его это интересовало... Бранным у него было слово «полужайство», «полуделание». Его бесило полужайство, и то, чем он занимался, он знал досконально. То есть, он занимался очень много философией, он занимался очень много английской литературой. Он, конечно, замечательно знал поэзию, сейчас, когда собраны его критические работы, видно, что он очень хорошо знал всю современную ему литературу. И это достигалось путём постоянной работы. Здесь ничего нового не сообщаю, но, конечно, здесь — рецепт всех достижений, которые вообще существуют.

Из ответов Е. Ц. Чуковской на вопросы участников встречи, прошедшей 27 марта 2005 г. в Архангельске

ЕСТЬ ЛИ ДЕТЯМ МЕСТО В ЦЕРКВИ?

Размышления об обновлении детской и молодежной работы

Наше Движение dorосло до решения вопроса о положении детей и молодёжи в братствах, упёрлось в него. Неслучайно по времени это совпало с разговором о главной внутренней задаче Движения. Перед нами снова встал вопрос о внутреннем единстве и качественном росте всего Содружества. Если проблема разрешится, то всё Содружество окажется на следующей ступени своего воцерковления. Это легко согласуется со стремлением к восстановлению полноты церковной жизни. Это новый шаг к соборности своей жизни со Христом и во Христе, это предание новой (в значительной степени мирской, родовой) части жизни в руки Божьи, это следующий шаг к освящению себя. И эту проблему я бы назвал так: **поиск и нахождение места детям и молодёжи внутри наших сердец, наших общин и братств**. Решение этой проблемы не означает решения всех остальных детско-молодёжных проблем нашей жизни, не гарантирует автоматического воцерковления детей и молодёжи, но даёт им возможность войти в наш путь. Без решения этого вопроса никакие реформы детско-молодёжной работы нам не помогут.

Суть того, что нам хочется получить в характере взаимоотношений между взрослыми и детьми, — как я понял, — удачно выразила Елена Цезаревна Чуковская: **«Одержимость трудом взрослых — заражает и детей, подает им жизненный пример не в виде нотаций, а в виде личного примера поведения. Ребенок — это не избалованный центр жизни родителей, а помощник, с которого много спрашивается»**. Такие отношения возможны не только внутри семей по плоти, но и внутри духовных семей.

То, что мы не могли решить эту проблему раньше, мне кажется, — совершенно нормально. У нас были другие проблемы, другие задачи, дефицит духовных сил. Острота сегодняшней проблемы говорит не о слабости, а о силе Движения. Движение набрало силу и поэтому стремится охватывать, освящать и преображать новые области жизни.

Ни в коем случае нельзя винить тех, кто занимался детьми все предыдущие годы. Руководители этих групп искренно делали всё, что могли, взяв на себя ответственность за детей перед родителями, своей совестью, Богом, Содружеством. Но перед Движением (за редчайшим исключением) такой ответственности почти никто не брал, так как Движение и детско-молодёжные программы были на почтительном расстоянии друг от друга. Теперь иначе.

Если раньше духовные и социальные подходы могли смешиваться, то теперь это невозможно. Если раньше руководители шли от потребностей детей и их родителей (реже — общин и братств), то теперь нужно идти от харизмы Движения, которую нужно в себя вмещать, но вмещать сердечно, целожизненно, а не идейно, не идеологически. А это значит, что вслед за переменной подходов неизбежно последует и смена руководителей (может быть не стопроцентная, дай-то Бог!). Ведь невозможно обязать людей, которые не вменяют харизмы Движения, чтобы они были проводниками Движения в жизнь детей и молодёжи.

Конечно, перемена подхода станет судом для многих детских и юношеских групп: им нужно будет умереть и воскреснуть. Всё что было приобщено ко Христу, то воскреснет, а что нет, — то нет. Весь положительный опыт, который был накоплен в этих группах, безусловно, будет впоследствии востребован, но только после того как произойдёт хирургическая операция и плодоносная ветвь привьётся к неплодному дереву. Прежние ру-

ководители, если им хватит смирения, тоже будут востребованы в качестве помощников.

Сейчас, мне кажется, нужно искать в малых братствах людей, причастных харизме Движения, чтобы им можно было передать заботу о детях.

Парадигма, пример решения этой проблемы обозначен в 6-й главе Деяний апостолов.

«В эти дни, когда умножалось число учеников, возник ропот у еллинистов (у родителей) на евреев (служащих членов братств) за то, что вдовы (дети) их были пренебрегаемы в ежедневном обслуживании. Тогда Двенадцать, созвав собрание всех учеников (всех ответственных членов малых братств), сказали: не приличествует нам, оставив слово Божие (и служение обновлению церкви), обслуживать столы (заботиться о детях). Отберите же, братья, из своей среды семь мужей (духовно-зрелых людей), имеющих доброе свидетельство, полных Духа и мудрости. Им поручим эту службу. Мы же будем постоянно пребывать в молитве и служении слова. И угодно было предложению всему собранию (важно добиться соборного, общецерковного решения этого вопроса). И они избрали <...>. Их поставили перед апостолами. И те, помолившись, возложили на них руки. И слово Божие росло, и сильно умножалось число учеников в Иерусалиме, и очень много священников подчинялось вере». Если получится решить нашу проблему таким, то есть духовным, церковным образом, то это обогатит жизнь не только нашего Содружества, но и всей церкви. Это неизбежно внесёт свой вклад в восстановление полноты церковной жизни.

Конечно, забота о детях — это частный случай восстановления подлинно-диаконического служения в Содружестве (а заодно и во всей Русской церкви, ведь обычно считается, что для диаконического служения достаточно быть социальным-озабоченным, про полноту Духа и мудрости никто не вспоминает). Так нужно было бы нам поступать и в отношении заботы о пожилых, больных и т.д. Но нам сейчас всего не охватить.

Ещё решение детско-молодёжной проблемы поможет нам понять ситуацию в братствах. Мы увидим — помнят ли члены наших братств о необходимости различать души, есть ли опыт различения духовного и социального подходов к разрешению проблем? Если мы об этом помним плохо, то у нас будет возможность об этом поговорить и сделать соответствующие шаги.

ющие шаги.

Программа действий мне видится такой. Во-первых, нужно поставить эту проблему перед всем Содружеством, и показать, что она касается не только тех членов братств, у которых есть маленькие дети. Её решение коснётся всех и каждого. Из-за неё может измениться ландшафт братской жизни («горы могут превратиться в долины, долины — в горы»). Кто преодолеет эту проблему изнутри, тот окажется впереди, кто посчитает, что ему здесь нечего делать, тот отстанет ещё больше. Во-вторых, нужно осознать и показать как положение детей и молодёжи внутри наших братств будет сочетаться с харизмой всего Движения. В-третьих, нужно увидеть и выделить тех людей, которые готовы нести ответственность за детей и молодёжь перед Богом и Движением и готовы помогать в этом родителям и другим членам братств. Ставить все эти вопросы можно уже сейчас, а обсуждать их на общей встрече на Преображение.

Решение этой проблемы может упереться в другие проблемы. Например, в трудовую деятельность братств. Если мы хотим, чтобы дети были нашими помощниками, то нужно ответить на вопрос — в чём именно? На каком участке служения обновлению церкви нам уже требуется их помощь?

Если мы хотим, чтобы у детей было место внутри братств, то нужно ответить на вопрос: какое место каждый из нас занимает в братской жизни?

Многим взрослым трудно быть вместе с детьми и молодёжью, а дети легко находят общий язык между собой. Наверное, можно вспомнить, что все мы дети Отца Небесного. И поэтому нужно двигаться вперёд, к Отцу во Христе через Дар Святого Духа. Такое направление нашей жизни должно нас привести к собственному обновлению («как у орла обновится юность твоя»). В противном случае даже молодые люди, попадая в орбиту наших братств, будут стареть и стилизоваться. Я верю, что сама харизма церковного обновления будет способствовать обретению нами евангельской детскости и юности (без инфантильности и ювенальности). Я верю, что изнутри Движения забьют источники нашего обновления, которые привлекут к нам детей и молодёжь. А для начала можно подумать над словами Господа: «воистину говорю вам, если не обратитесь и не станете как дети, то не войдёте в Царство Небесное».

Свящ. Иоанн ПРИВАЛОВ

Нашу газету можно приобрести:
В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомину (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гупфака МГУ; в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); в Париже: в магазине «УМСА-Press».

Телефоны распространителей:
Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); Тверь: 8-082-250-2308 (Олег Ермолас); Архангельск: 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); Северодвинск: 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Анастасия Наконечная
Дмитрий Матвеев
Елена Шведлева
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Марсев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.